

СКАЗКИ НОВОГО МИРА  
Ф. К. КАСТ

ИЗБРАННАЯ  
ЛУНОЙ



#YoungFantasy

Филис Кристина Каст  
**Избранная луной**

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Coe)-44

**Каст Ф.**

Избранная луной / Ф. Каст — «АСТ», 2016 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-101597-8

Восемнадцатилетняя Мари принадлежит клану Землеступов — ее соплеменники поклоняются матери-Земле и совершают лунные обряды, необходимые для выживания. Она собирается стать жрицей, но будущее пугает девушку: что произойдет, если клан узнает тайну ее происхождения? Однажды на пороге своего дома Мари находит щенка. Милое существо, сразу ставшее ей родным, навсегда меняет судьбу юной жрицы. Вместе с собакой, верным другом и спутником, в ее жизни появляется Ник, сын вождя враждебного клана. Мари больше не терзает страх разоблачения. Ради спасения своего народа и любимого человека она готова принять выпавший ей жребий.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101597-8

© Каст Ф., 2016

© АСТ, 2016

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Избранная луной                   | 6  |
| 1                                 | 6  |
| 2                                 | 12 |
| 3                                 | 19 |
| 4                                 | 23 |
| 5                                 | 29 |
| 6                                 | 35 |
| 7                                 | 43 |
| 8                                 | 48 |
| 9                                 | 54 |
| 10                                | 59 |
| 11                                | 68 |
| 12                                | 74 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 75 |

# Ф.К. Каст

## Избранная луной

Copyright © 2016 by P.C.Cast

© М. Извекова, перевод на русский язык

© А. Логинова, перевод на русский язык

© М. Фетисова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA

\*\*\*

*Посвящаю эту книгу своему редактору Монике Паттерсон за ее страстную увлеченность Новым миром, за веру в меня и за необычайные, сверхъестественные способности к мозговому штурму.*

*Пусть наше сотрудничество будет долгим и плодотворным.*

## Избранная луной

### 1

Заливистый женский смех звенел под сводами теплой опрятной норки.

– Ох, Мари! Разве это иллюстрация к мифу, который я тебе только что рассказала?

В одной руке мать Мари держала листок самодельной бумаги, другой, давясь от смеха, прикрывала рот.

– Мама, твое дело рассказывать истории, а мое – картинки рисовать. Ведь таковы правила игры? Нашей *любимой* игры!

– Да, – кивнула Леда, сделав серьезную мину. – Я-то рассказываю, а вот ты рисуешь, как тебе померещится.

– Ну и что за беда? – Мари встала рядом с матерью и тоже взгляделась в готовый набросок. – Я так вижу историю Нарцисса и Эхо.

– Мари, твой Нарцисс на глазах превращается в цветок, причем довольно неуклюже. Одна рука уже стала листом, другая – рука как рука. То же самое с его... – женщина подавила смешок, – м-м-м... некоторыми другими частями тела. Вдобавок усы и дурацкое выражение лица. Однако надо признать, у тебя удивительный дар: даже нелепый полуюноша-полуцветок, и тот вышел как живой. – Леда указала на призрачную нимфу, следившую за превращением Нарцисса с выражением скуки и недовольства. – А Эхо у тебя... будто ее... – мать запнулась, подыскивая слова.

– Тошнит от Нарцисса и его самолюбования? – подсказала Мари.

Леда, оставив менторский тон, от души рассмеялась:

– Да, именно такой она у тебя вышла, только рассказ мой был совсем не о том.

– Вот что, Леда. – Мари, назвав мать по имени, вскинула брови. – Выслушала я твою историю и решила, что концовка явно смазана.

– Концовка? Смазана? Да неужели! – мать легонько толкнула дочь плечом. – И перестань называть меня Ледой.

– Но Леда, это же твое имя!

– Кому Леда, а кому и матушка.

– *Матушка*? Вот как? Очень...

– Почтительно и общепринято. – Пришел черед Леды подсказывать.

– Нет, скорее, нудно и старомодно. – Мари заранее знала, как парирует собеседница, и глаза ее заблестели в предвкушении.

– Нудно и старомодно? Это меня ты только что назвала нудной и старомодной?

– Что? Я? Да чтобы я назвала тебя так? Да ни за что, мама, да никогда! – дочь рассмеялась и подняла руки, признав поражение.

– То-то же! «Мама» – совсем другое дело, не то что «Леда»!

Мари улыбнулась:

– Мам, этот спор у нас не умолкает уже восемнадцать зим.

– Мари, девочка моя, на самом деле поменьше – лопотать-то ты начала, к счастью, не с рождения! Все-таки выпала мне отсрочка в пару зим!

– Мама! Ты же сама *поощряла* меня говорить, едва я встретила вторую зиму! – притворно удивилась Мари и, взяв обугленную палочку – свой любимый угольный карандаш, потянулась за рисунком.

– Да, но ведь и я не образец совершенства! Я была всего лишь юной мамой и старалась как умела, – произнесла Леда со вздохом и вернула дочери листок.

– Совсем-совсем юной? – переспросила та, что-то бегло набрасывая и заслоня рукой плоды доработки от Лединых глаз.

– Совершенно верно, Мари, – подтвердила Леда, пытаясь подсмотреть. – Я была на одну зиму моложе тебя, когда встретила твоего замечательного отца и... – женщина умолкла и неодобрительно глянула на Мари, не сдержавшую смех.

– Готово. – Дочь протянула рисунок Леде.

– Мари, у него глаза косые, – заметила та.

– Судя по твоему рассказу, звезд он с неба не хватал, вот я и изобразила его дурачком.

– Ох, не говори!

Мать и дочь посмотрели друг на друга и снова залились смехом.

Леда вытерла слезы и порывисто обняла дочь.

– Беру свои слова назад. Мой вердикт: твой рисунок – само совершенство!

– Спасибо, *матушка*!

В глазах у Мари заплескали огоньки. Она взяла чистый лист бумаги и занесла над ним угольный карандаш. Мари любила древние предания, которыми, сколько она себя помнила, делилась с ней Леда. Мать, сдобривая их мудрыми наблюдениями, рассказывала о приключениях, любви и потерях столь же искусно, как мастерицы из Клана плетельщиков плели корзины, ткали материю и ковры для обмена на продукцию Кланов рыболовов, мукомолов и плотников.

– Расскажи еще что-нибудь! Всего одну историю, ну пожалуйста! Ты так чудесно рассказываешь.

– Лестью историю из меня не вытянешь. А вот корзинка первой черники, пожалуй, тебе перепадет.

– Черника! Правда? Здорово! Славная из нее получается краска. Не то что чернила из грецких орехов, только бумагу пачкают.

Леда тепло улыбнулась:

– Все любят черникой лакомиться, а тебе она нужна, чтобы рисовать.

– Не мне *одной*, мама. Ты тоже любишь делать из нее краску, для ткани.

– Да, краска отличная! К весне выкрашу тебе плащик, но честно признаюсь, предпочла бы черничный пирог!

– Черничный пирог! И я бы не отказалась! Впрочем, как и от очередной истории. Скажем, от мифа о Леде. Кстати, мама, почему тебя так называли? Почему именно Ледой? Миф твоей маме наверняка был знаком, – поддразнила Мари. – Но поскольку звали ее Кассандра, вряд ли она умела подбирать имена.

– Ты прекрасно знаешь, что Жрицы луны называют своих дочерей так, как нашепчет им Великая Мать-Земля. Моей матери, Кассандре, имя дала ее мать Пенелопа. А твое чудное имя Мать-Земля нашептала мне в ночь полнолуния накануне твоего рождения.

– Скучное у меня имечко. – Девушка вздохнула. – Значит, даже на Мать-Землю я навожу скуку?

– Нет, это значит, что от Матери-Земли в придачу к имени ты получила историю жизни, не похожую ни на чью другую.

– Ты это говоришь, сколько я себя помню, а истории у меня как не было, так и нет, – упрекнула Мари.

– Всему свое время. – Леда коснулась бархатной щеки дочери, и в ее улыбке просквозила печаль. – Мари, девочка моя, хотела бы я рассказать тебе еще что-нибудь, да не успею. Солнце уже садится, а сегодня полнолуние. О Клане нужно позаботиться.

Мари приготовилась упрашивать родительницу, чтобы та задержалась еще ненадолго и позаботилась сначала о дочери, а потом уж о Клане, но не успела она произнести вслух свое эгоистичное желание, как по телу Леды пробежала судорога: ее плечи свело, и голова мелко

затряслась. И пусть Леда как всегда отвернулась, дабы скрыть от любимой дочери ежевечернюю перемену, Мари все прекрасно видела.

Ее насмешливость мигом улетучилась. Отбросив листок и карандаш, Мари подошла к матери, взяла ее ладони в свои. Как же больно было чувствовать исходивший от родного существа холод, видеть появившийся серебристый отлив кожи! Как всем сердцем хотелось облегчить страдания, которые испытывала мама каждый вечер на закате солнца.

– Прости, мамочка, я совсем потеряла счет времени. Не стану тебя задерживать. – Мари старалась говорить бодро, не желая обременять горячо любимого человека своими переживаниями. Довольно и того, что мать мужественно уходила в темноту навстречу опасности. – Мое желание подождет. Мне есть чем заняться. Надо закончить один рисунок, поработать над перспективой.

– Можно взглянуть? – не удержалась Леда.

– Он еще не готов; знаешь ведь, не люблю показывать неоконченную работу.

Леду вновь затрясло, и дочь невольно сжала ее руку в знак поддержки и любви. Она через силу улыбнулась.

– Но сегодня, пожалуй, сделаю исключение. Ты же моя любимая модель, а я на все готова, лишь бы угодить любимой модели.

– Надеюсь, ты ко мне благосклоннее, чем к Нарциссу, – поддела ее Леда.

Девушка подошла к грубо сколоченному деревянному столу, стоящему в глубине норы, в которой мать и дочь жили вдвоем восемнадцать зим, с рождения Мари.

Своды норы украшал пышный мох-светожар, а с потолка над столом, словно живые люстры, свисали гроздья грибов-фонариков. Когда Мари повернулась к столу, улыбка, которую она изобразила ради матери, сбегала с ее лица. Девушка взяла лист плотной бумаги из растительных волокон, тщательно измельченных вручную, и обернулась. Она улыбалась Леде уже по-настоящему.

– Смотрю на свой рабочий стол, на мох-светожар и грибы-фонарики над ним, и всякий раз вспоминаю твои легенды о земных духах.

– Ты всегда любила истории, что передают Жрицы луны из поколения в поколение для забавы и в назидание дочерям, хотя правды в них не больше, чем в мифе о Нарциссе и бедняжке Эхо.

Мари по-прежнему улыбалась.

– Когда я рисую, для меня они все оживают.

– Ты часто это повторяешь, но... – начала Леда, однако осеклась на полуслове. Она ахнула от восхищения, едва взглянув на набросок. – Мари! Какое чудо! – Леда взяла из рук дочери листок, вгляделась внимательнее. – Честное слово, на сей раз ты превзошла себя. – Женщина осторожно провела пальцем по листку, завороченно глядя на свой портрет. Она была изображена у камина, с неоконченной корзиной на коленях, но смотрела не на корзину, а на художницу. Лицо светилось лаской.

Мари снова взяла руку матери в ладони и погладила ее:

– Рада, что тебе нравится, только рука не получилась такой же хрупкой и изящной, как в жизни.

Леда прижала ладонь к щеке Мари:

– Поправишь, и выйдет замечательная работа, как все твои рисунки.

Она нежно поцеловала дочь в лоб и добавила:

– Я для тебя приготовила подарок, девочка моя.

– Подарок? Правда?

Леда лукаво усмехнулась:



– Подарок, да еще какой! Закрой глаза и стой здесь. – Леда поспешила в дальнюю комнату, служившую ей спальней, а заодно сушильной и кладовой для пряных трав. Выскользнув оттуда, она встала перед дочерью, заложив руки за спину.

– Что это? За спиной прячешь – значит, маленькое. Новое перо?

– Мари, я же просила не подглядывать! – пожурила Леда.

Девушка зажмурилась покрепче и улыбнулась.

– А я и не подглядываю! Просто я сообразительная, вся в маму! – похвасталась она.

– Да еще и красавица, вся в папу, – добавила Леда и водрузила свой подарок на голову дочери.

– Ой! Да это же девичий лунный венец! – Мари осторожно сняла с головы затейливый венок. Из плюща и ивовых лоз Леда сплела основу и украсила ее ярко-желтыми цветами. – Так вот, мамочка, для чего ты одуванчики собирала! Я думала, на вино.

Леда засмеялась:

– Вино я тоже сделала, а заодно и лунный венец для тебя сплела.

Мари приуныла:

– Я и забыла, что сегодня первое весеннее полнолуние. Думаю, Клан отпразднует на славу.

Мать сокрушенно покачала головой:

– Хорошо бы, да только, боюсь, веселье будет омрачено, ведь многих Землеступов недавно взяли в плен Псобратья. Чую, Мать-Земля неспокойна, будто грядут перемены к худшему. Наши женщины погружены в печаль более обычного, а что до мужчин... Знаешь ведь, как беснуются наши мужчины от ночной лихорадки.

– Не то слово беснуются – звереют. Землерылы проклятые!

– Не смей называть так свой народ, Мари. Можно подумать, они не люди, а чудовища!

– Мама, это лишь наполовину мой народ, а по ночам они и вправду чудовища. Мужчины уж точно. Что бы с ними стало, если бы ты каждую третью ночь не смывала с них ночную лихорадку? Известно, чем бы все кончилось. Вот почему никто, даже сородичи по Клану, не должен знать дороги к норе Жрицы.

Тревога и страх придали резкости словам девушки, и она тут же пожалела о сказанном, заметив, как омрачилось лицо матери.

– Мари, имей в виду, ночью даже во мне дремлет чудовище.

– В ком угодно, только не в тебе! Про тебя я бы ни за что так не сказала! Ни за что!

– Но если бы не луна, я тоже превратилась бы в землерылиху. К несчастью, наши сородичи не умеют сами, как я, призывать луну, вот мне и приходится помогать им через две ночи на третью. Сегодня третья ночь, да еще и первое весеннее полнолуние. Наш Клан соберется, и я всех омою, чтобы открылись они любви и радости, не погрязли в тоске и гнев. Ты же все это знаешь, Мари. Что тебя тревожит?

Мари покачала головой. Разве скажешь маме, милой, доброй, умнейшей маме, которая одна знает о дочери правду и любит ее вопреки всему, что с недавних пор их мирок сделался ей тесен?

Ни за что не создалась бы девушка в подобных мыслях, как Леда никогда не раскрыла бы правду о дочери.

– Да так, пустяки. Наверно, полнолуние виновато. Я чувствую луну даже здесь, в норе, даже до ее восхода.

В появившейся улыбке Леды сквозила гордость.

– У тебя мой дар, а то и больший. Пойдем сегодня вместе, Мари. Надень свой лунный венец и раздели праздник с Кланом. Силу луны легче всего притягивать в полнолуние, а сегодня луна будет огромной и яркой, как солнце.

– Нет, мама, только не сегодня. Я устала терпеть неудачу за неудачей перед тобой, не хватало еще осрамиться перед Кланом.

Леда продолжала улыбаться.

– Верь матери. У тебя мой дар, а то и больший. Вот из-за этого «больше» и учить тебя тяжело.

– Тяжело? – Мари снова вздохнула. – Хочешь сказать, бесполезно?

– Полно преувеличивать! Ты жива, здорова телом и духом. Ни днем ни ночью, ни при луне ни без нее ты не впадаешь в тоску или безумие. Это главное, а остальное придет с опытом, только наберись терпения.

– Другого способа научиться нет, ты уверена?

– Уверена. Это так же, как с твоими рисунками: сколько ты трудилась над ними, пока они не стали оживать под твоей рукой!

– Рисовать куда проще!

Леда тихонько засмеялась:

– Кому как. – Но улыбка тотчас сбежала с лица матери. – Ты же знаешь, Мари, скоро я должна буду выбрать себе преемницу. Дальше тянуть некуда, женщины Клана заждались.

– Я пока не готова, мама.

– Тем более надо идти со мной. Встанем рядом перед Кланом, и ты попробуешь призвать луну. Пусть женщины Клана успокоятся. Пусть увидят, что я начала тебя учить, хотя пока и не объявила во всеуслышание своей преемницей.

Мари вздернула уголки губ:

– Начала учить? Леда, ты меня учишь с рождения!

– Ученица из тебя способная. И перестань называть меня Ледой.

– Тугодумка я, а не способная ученица, матушка!

– Ты не тугодумка, Мари. Ты многогранна: твой ум, задатки, достоинства – все многогранно. Со временем из тебя выйдет прекрасная Жрица.

В серых внимательных глазах Леды светилась мудрость.

– Но только если ты захочешь ею стать.

– Не хочу тебя разочаровывать, мама.

– Я никогда в тебе не разочаруюсь, какой бы путь ты ни избрала.

Леда вновь поморщилась от боли: по ее телу опять пробежала дрожь, а серебристый отлив кожи перешел с изящных кистей рук выше, на предплечья.

– Хорошо, пойдем, – решила девушка.

Мать просияла:

– Ах, Мари, порадовала ты меня!

На время позабыв о боли, Леда поспешила в свою комнату. Было слышно, как она стучит горшками, роется в корзинах, как звякают хрупкие стеклянные пузырьки с целебными травами, настоями и мазями.

– Нашла! – Мать вернулась со знакомой деревянной чашей. – Давай-ка пройдемся по твоему лицу. Волосы тоже пора покрасить, но не сегодня.

Мари, сдержав вздох, подставила лицо, и мать нанесла на него грязноватую смесь, помогавшую хранить их тайну.

Леда работала молча: густо смазала дочери лоб, замаскировала выступающие скулы, нос, нанесла липкую серую глину на шею и руки. Завершив работу, она внимательно осмотрела Мари и легонько коснулась ее щеки:

– Ступай к окошку, проверь.

Девушка хмуро кивнула. В сопровождении матери она прошла в глубь помещения, поднялась по каменным ступеням в аккуратную нишу, вырубленную в скале, и отодвинула продолговатый прямоугольный валун. Теплый ветерок ворвался в комнату, лаская лицо Мари,

словно материнская рука. Она глянула в образовавшийся проем – краски дня уже поблекли, небо на востоке потускнело. Мари подставила руку под льющисся белесые лучи, затем поймала взгляд матери.

Глаза у Леды, как и у Мари, были серые, глубокие, отливали серебром. «До чего же это красиво!» – подумала девушка.

При свете полной луны из глаз дочери, точь-в-точь как у матери, струились серебряные лучи.

Кожа у обеих поблескивала. Девушка нежилась в лунном свете, пока ее тело наполнялось силой и покоем.

Томясь тоской по луне и таившейся в ночном светиле силе, Мари высунула в оконце руку с сомкнутыми пальцами. Она хотела зачерпнуть пригоршню лунных лучей, но вместо тонкого серебристого света на пальцах проступил желтый огонек закатного солнца. Рука дрогнула. Девушка отдернула ее, раскрыла ладонь и залюбовалась филигранным узором. Достаточно совсем немного солнца, чтобы он, изящный, яркий, появился на коже. Мари прижала руку к груди, и золотистый узор исчез, как исчезают сны после пробуждения.

У мамы ничего подобного не бывает. Мари во многом на нее не похожа.

Оконце закрыли.

– Ничего, девочка моя, возьмем-ка твой летний плащ. Он совсем легонький, не запа-ришься, зато...

– Зато рукава прикроют руки, ведь солнце еще не зашло, – закончила Мари.

Она осторожно спустилась с лестницы и подошла к корзине, где хранились плащи.

– Жаль, что тебе нужно таиться. Ах, если бы все было иначе! – Мамин голос звучал тихо и печально.

– Я бы тоже так хотела, мама, – отозвалась девушка.

– Мне очень жаль, Мари. Ты ведь знаешь, я...

– Ничего, мама. Честное слово, я уже привыкла. – Девушка, старательно придав лицу беззаботное выражение, повернулась к матери. – Может быть, когда-нибудь перерасту...

– Нет, девочка моя, не перерастешь. Отцовская кровь в тебе течет пополам с моей, и я ни о чем не жалею. Ни о чем, несмотря на все трудности.

*А я жалею, мама. Жалею.* Но вслух Мари ничего не сказала, а лишь основательно закуталась в плащ и вслед за Ледой покинула уютную норку.

## 2

Держась вместе, Мари и Леда вскарабкались на каменистый уступ, откуда виднелась Поляна собраний – на первый взгляд ничем не примечательный просвет среди болотистого южного леса. Меж ив и боярышника, остролиста и папоротника вился ручей. Он и плакучие ветви деревьев особенно притягивали взгляд. И не сразу, а со второго, а то и с третьего раза можно было сверху, с уступа, разглядеть, что скрывалось в гуще зелени. Там, на опрятных грядках под присмотром женщин Клана, росли ранняя капуста, кружевной салатный цикорий, пышный латук, посаженный к весне чеснок.

Леда притихла, потом радостно вздохнула всей грудью.

– Спасибо тебе, Мать-Земля, – заговорила Жрица, будто не дочь ее, а сама Богиня стояла рядом. – Спасибо, что даровала нам, Землеступам, умение получать плоды из твоего щедрого лона.

Мари тоже глубоко вздохнула, привычная к задушевной интонации, с которой мать обращалась к своей Богине.

– Пахнет лавандовым маслом, даже отсюда чувствую, – заметила Мари.

– Женщины Клана постарались на совесть, подготовили Поляну. Нынче ночью ни одна стая волкопауков сюда не сунется. – Помолчав, она указала на кострища, расположение которых было тщательно продумано. Лишь одно из них находилось посреди Поляны. Остальные были по ее краям, в ключевых местах, и рядом с каждым из них воткнули в землю факел – на случай, если большое скопление народа привлечет опасных насекомых.

– Понимаю, что костры для защиты, но как же они при этом радуют глаз, – заметила Мари.

– Еще бы, – согласилась мать.

– Скорей бы краснокочанная капуста поспела, – сказала Мари при спуске с горы к Поляне. – Как представлю ее с нашими маринованными каперсами, аж слюнки текут!

– Весна в этом году дружная, – одобрила Леда. – Может, на обратном пути прихватим кочан.

– Это единственное, ради чего стоило сюда прийти, – отозвалась дочь.

Леда глянула на нее строго.

– Мари, я тебя силой сюда не тянула.

– Да, мама, прости.

Леда сжала ее руку:

– Не волнуйся. Поверь в себя.

Мари закивала, но тут на нее налетело нечто вроде маленького смерча. Юное существо едва не сбило ее с ног, закружило в объятиях.

– Мари! Мари! Я так рада, так рада тебя видеть! Значит, ты здорова!

Мари улыбнулась бойкой девчухе:

– Да, здорова, Дженна. Я и сама рада, что пришла. – Она дотронулась до лунного венца на темных волосах Дженны. – Красота какая! Это тебе папа сплел?

Дженна прыснула совсем по-детски, будто ей шесть, а не шестнадцать лет.

– Папа? Куда ему! У него руки-крюки, и пальцы, говорит, не из того места растут! Я сама сплела.

– Молодец, Дженна, – тепло похвалила Леда и улыбнулась подруге дочери: – Ты на славу потрудились: лаванда посередине здесь очень к месту. У тебя настоящий дар!

Дженна покраснела.



– Благодарю тебя, Жрица Луны. – Просияв, она отвесила Леде поклон по всей форме, с опущенными руками и раскрытыми ладонями – в знак того, что безоружна и не замышляет дурного.

– Да что ты, Дженна! К чему церемонии? Ведь это же мама! – удивилась Мари.

– Кому мама, а *для меня* Жрица Луны! – заявила Дженна.

– И друг, – добавила Леда. – Какое ремесло тебе больше по душе – ткачество или что другое?

Дженна начала робко, переминаясь с ноги на ногу:

– Я... я хочу ткать гобелены, такие как, например, в родильной норе.

– Значит, ткачество, – заключила Леда. – Сегодня же поговорю с Рахилью, чтобы взяла тебя в ученицы.

– Спасибо, Жрица Луны, – выпалила Дженна, и в глазах ее блеснули слезинки.

Леда взяла лицо девочки в ладони и поцеловала ее в лоб:

– Твоя мама сделала бы то же самое для моей Мари, если бы я прежде времени отправилась к Матери-Земле.

Мари придвинулась к подруге, взяв ее под руку.

– Да только ткачиха из меня не лучше твоего папы – твоя мама огорчилась бы.

– Зато ты что угодно можешь нарисовать! – сказала Дженна с придыханием.

– Жрица! Наша Жрица здесь! – донесся с Поляны зычный мужской голос.

Леда улыбнулась и весело замахала рукой.

– Твой папа, как всегда, первым из мужчин спешит ко мне.

– Папа всегда будет первым встречать тебя – и всегда будет первым в очереди на омовление. А все потому, что он души во мне не чаёт! – с гордостью откликнулась Дженна.

– Да, он тебя очень любит, – кивнула Леда.

– Ксандр – замечательный отец. – Мари улыбнулась подруге, а про себя подумала: *к счастью для Дженны, Ксандр каждую третью ночь исправно торопится к маме. Иначе Дженне пришлось бы плохо, хуже, чем сироте. Ее растил бы нелюдь.*

– Наша Жрица здесь! Зажигайте факелы! Клан, готовься! – Женщины Клана подхватили приветствие, и Поляна ожила.

Со всех сторон люди спешили на свои места. Движения женщин были уверенными. Когда они грациозно, лишь немного нарушая строй, шли змейкой, огибая деревья и овощные грядки, Мари казалось, будто по камням вьется ручеек.

Клан выстроился полукругом, приветствуя Жрицу. Впереди – пожилые женщины, за ними – матери с детьми, следом – девушки-невесты в пестрых венках, и, наконец, мужчины с факелами, защитники Клана, которые расположились вдоль края Поляны. Мари улавливала исходившую от них угрозу. Над толпой будто клубилось еле сдерживаемое смятение.

Мари старалась не смотреть на мужчин, но ее взгляд то и дело устремлялся в их сторону. Еще в детстве она стала замечать перемены, которые приносила Клану ночная лихорадка. В женщин она вселяла смертную тоску, в мужчин – бешеную ярость. С тех пор Мари зорко следила за мужчинами Клана, особенно в предзакатные часы.

– Не смотри на них так. Сегодня третья ночь. Омоем их, и все станет хорошо, – шепнула ей мать.

Мари храбро кивнула.

– Ступай вперед, мама, а мы с Дженной – следом.

Леда сделала шаг и остановилась, подав Мари руку:

– Сзади идти не годится. Иди со мной рядом, дочка, чтобы все видели.

Мари почувствовала радостное волнение Дженны, но она не спешила взять мать за руку. Девушка обратила взгляд на Леду, ища в ее серых глазах поддержку.

– Доверься мне, девочка моя, – твердо произнесла Леда. – Ты ведь знаешь, я рядом, всегда рядом.

Мари облегченно выдохнула. Лишь сейчас она поняла, что все это время не дышала.

– Я тебе верю, мама. – И ухватила за руку Леды.

Дженна, стоявшая рядом, шепнула:

– Ты без пяти минут Жрица! – Не дожидаясь ответа, она вновь учтиво поклонилась – на сей раз им обеим, и заняла место позади них.

– Готова? – спросила Леда.

– Готова, лишь бы ты была рядом, – отозвалась Мари.

Леда, сжав руку дочери, уверенно зашагала вперед: голова поднята, плечи расправлены, улыбка лучится радостью.

– Дочь моя и я приветствуем Клан плетельщиков! Да будет весеннее полнолуние изобильным для всех вас!

Со всех сторон устремились на Мари тяжелые любопытные взгляды, сквозь толпу пронесся шепоток. Девушка тоже приосанилась: развернула плечи, выпрямила спину, вздернула подбородок. Она старалась ни на ком не задерживать взгляд, но невольно ее притягивала еще одна пара серых глаз. Они были светлее, чем у нее и Леды, с голубинкой, по-своему красивые и явно принадлежавшие женщине из рода Жриц.

– Приветствую тебя, Жрица Луны, – сказала молодая особа и поклонилась подобающим образом. Однако ее поклон был адресован одной Леде.

Затем обладательница светло-серых глаз выпрямилась, откинула назад густую копну темных волос, и перья с бусинами на ее лунном венце затрепетали, словно живая вуаль. Бросив на Мари небрежный взгляд, она добавила:

– Не знала, что сегодня объявляют будущих жриц.

Леда улыбалась, излучая спокойствие.

– Здравствуй, Зора. На самом деле это всего лишь спонтанное признание в том, что я горжусь своей дочерью. – Она подняла руку Мари, напоказ всему Клану. – Отчасти и потому, что глаза у нее серые. Значит, годится в жрицы.

– Как и у меня, – вставила Зора.

Мари, едва сдерживая раздражение, заговорила, опередив мать:

– Да, но ты так часто ресницами хлопаешь, строя глазки юношам Клана, что толком и не разглядеть, какого они у тебя цвета.

– Конечно, я уделяю внимание нашим мужчинам. Ведь они защитники, достойные всяческой благодарности. А зависть не красит, Мари, особенно тех, кто и так не следит за своей наружностью, – парировала Зора.

– Женщинам Клана не подобает спорить, – осадила их Леда.

Зора и Мари обменялись недовольными взглядами и только потом склонили перед Жрицей головы.

– Да, верно, – признала Зора. – Прости меня, Жрица Луны.

– Не у меня надо просить прощения, – ответила Леда.

Зора повернулась к дочери Жрицы и холодно улыбнулась ей.

– Прости меня, Мари.

– Мари? – окликнула дочь Леда, не дождавшись ее ответа.

– И ты меня прости, – поспешно отозвалась Мари.

– Вот и хорошо, – подытожила Леда и подала другую руку Зоре. – Да, Зора, цвет твоих глаз – знак того, что ты годишься в ученицы. Встань со мной рядом.

Зора нетерпеливо сжала руку Леды. Но прежде чем шагнуть навстречу Клану, Жрица воскликнула:

– Все сероглазые девушки, предстаньте перед Жрицей Луны!

Толпа всколыхнулась, и одна фигура выступила вперед.

– Мари, – чуть слышно произнесла Леда, кивком напоминая, что нужно делать.

Мари улыбнулась матери и радостно протянула руку с раскрытой ладонью еще одной сероглазке из их Племена:

– Здравствуй, Данита!

Та робко улыбнулась Мари и бросила испуганный взгляд на Леду.

Когда Данита шагнула вперед с протянутой для приветствия рукой, Мари заметила вспыхнувший огонек. Она опустила глаза: один из рукавов ее плаща завернулся, и луч заходящего солнца упал на кожу. Сразу же сквозь глину проступили ярко светящиеся узоры, похожие на резные листья папоротника.

Быстрее молнии Мари высвободила руку, одернула рукав и спрятала кисти в складках плаща.

– Что с тобой, девочка моя? – Леда выступила вперед, загородив дочь.

– Живот... живот опять схватило. – Мари встретила глазами с матерью.

Напрасно Леда пыталась не выдать разочарования, от Мари не укрылась печаль в ее улыбке.

– Дженна, – попросила Леда подругу дочери, – отведи Мари к костру, пусть кто-нибудь из женщин заварит ей чаю с ромашкой. Мы думали, она поправилась, но оказалось, не совсем.

– Конечно, Леда, ни о чем не беспокойся! Я присмотрю за нашей девочкой.

Дженна схватила Мари под руку и потащила сквозь толпу. Мари видела, как Данита, а следом еще две девушки-сероглазки вместе с Зорой заняли место подле ее матери.

– Не грусти, – шепнула Дженна. – Выпьешь чайку, и полегчает. Посидим, перемоем косточки Зоре, посмеемся над дурацкими перьями у нее в волосах, пока твоя мама оmyвает Клан. – Дженна указала на бревно неподалеку от центрального костра. – Посиди тут, отдохни. Сейчас я чай принесу, я мигом!

– Спасибо, Дженна, – поблагодарила Мари, устраиваясь на бревне.

Подружка упорхнула. Под сочувственными взглядами женщин Мари силилась придать лицу безразличное выражение, как и всегда в присутствии членов Клана. Пусть никто никогда не узнает, каково это, быть всем чужой, как тяжело скрывать правду.

Мари смотрела, как мать выходит на середину Поляны собраний. Она остановилась перед одинокой статуей, украшавшей Поляну. Отпустив руки девушек, Леда низко поклонилась статуе Богини, которая будто вырастала из-под земли. Лик ее был высечен из гладкого желтоватого песчаника, усеянного кристалликами кварца, и когда на поверхность статуи падал свет – солнечные лучи или прохладное лунное сияние – она искрилась, словно сотканная из снов и грез. Густой мягкий мох служил Богине одеянием, волосы из изумрудного папоротника струились по спине и округлым плечам.

– Приветствую тебя, о Великая Мать, как Клан приветствует меня, Жрицу Луны, твою служительницу – с любовью, почтением и благодарностью, – начала Леда с трепетом и, поднявшись с колен, повернулась к Клану, застывшему в ожидании. – Мужчины Клана плетельщики, предстаньте передо мной!

Пока мужчины пробирались вперед, подбежала Дженна, протянула Мари деревянную кружку с душистым ромашковым чаем и устроилась рядом на бревне.

– Ой, смотри, вон папа! – Дженна с улыбкой помахала рукой.

Огромного роста человек, возглавлявший шествие, кивнул дочери в ответ, но от Мари не укрылось ни его искаженное болью лицо, ни гневный прищур.

Ярость, которую он держит сейчас в узде, одолеет его, если Жрица Луны не станет каждую третью ночь смывать с него ночную лихорадку.

Вместе с другими мужчинами Клана Ксандр упал перед Ледой на колени, и в тот же миг солнце скрылось далеко на западе. Леда протянула руки, будто держала в ладонях полную луну,

пока невидимую для Клана, – после захода солнца Жрица всегда ее отыщет, всегда сумеет призвать.

Серый отлив на руках Леды потускнел и исчез. Сияя улыбкой, она запрокинула голову, подставив лицо темнеющему небу и раскрыв ему объятия. Дыхание ее стало глубоким и мерным. Мари задышала в том же ритме, ища внутри себя опору, прежде чем воззвать к луне – так ее учила Леда. Она смотрела, как шевелятся губы матери в тихой молитве.

Мари обежала взглядом полукруг соплеменников: двадцать две женщины, десять детей, семеро мужчин. Надо помочь маме, все запомнить, а когда они вернутся домой, записать в дневник.

Остановив взгляд на Зоре, Мари нахмурилась. *Вы подумайте!* – безмолвно кипела она. – *Все молятся вместе с мамой, настраиваются на нужный лад, кроме этой девицы!* Нет бы погрузиться в таинство и наблюдать за Ледой, как подобает будущей жрице. Вместо этого Зора улыбалась юноше, склонившемуся перед Ледой. Вытянув шею, Мари увидела, что юноша – по имени Джексон – тоже украдкой поглядывает на Зору, и глаза у него горят вовсе не от ночной лихорадки.

Мари кольнула зависть. До чего же Зоре все легко дается! Она такая бойкая, дерзкая, красивая. *Стать бы такой, как она – пусть ненадолго, всего на денек или хотя бы на час. Каково это, ловить на себе мужской взгляд – пылкий, полный желания? Наверное, прекрасно,* – подумала Мари. – *Невообразимо прекрасно.*

В тишине, когда весь Клан умолк, ее чудесная, любящая мама-Жрица заговорила звучным, мелодичным, уверенным голосом. И все соплеменники Мари обратили на нее взоры.

*Я Жрица Лунная, о Мать-Земля!  
Перед тобой стою, к тебе взываю я.  
О Мать-Земля, мне слух и зренье обостри,  
Меня ты лунной силой надели!  
О лунный свет, меня наполни до краев,  
Несу я людям исцеленье и любовь.*

Когда Леда произносила заклинание, кожа ее засветилась – не тусклым болезненным огнем ночной лихорадки, а нездешним серебристым сиянием. От нее исходила прохладная, льдистая лунная сила. Мари не раз видела, как мать призывает луну, и всегда диву давалась. И пусть мамина Богиня никогда с Мари не разговаривала, казалось, что, если бы случилось невероятное и Богиня ожила, предстала перед ней во всем великолепии, целиком выйдя из земли, девушка увидела бы в ней много мамино.

*Мне в дар от предков связь с тобой дана.  
Моя судьба – нести твой свет, Луна!*

Едва Леда произнесла последние слова, с небес протянулись невидимые нити, доступные и подвластные лишь Жрице Луны. И Леда принялась обходить мужчин, дотрагиваясь до поднятой головы каждого. Мари чудилось, будто Леда превратилась в кисть, которая расцвечивает полотно с нарисованными соплеменниками лунными лучами. Ее мать творила волшебство. Всякий, к кому она прикасалась, вспыхивал серебряным светом. Даже находясь поодаль, Мари слышала облегченные вздохи мужчин: Жрица Луны очищала их от ночной лихорадки, избавляла от душевной боли, грозящей обернуться иступлением.

Дженна, сидевшая рядом, трепетала всем своим худеньким телом, и Мари вспомнила о той роли, что надлежало ей играть на людях. Допив чай, Мари обхватила себя руками, изображая боль, которой не чувствовала.

– Потерпи, Мари, с мужчинами она почти закончила, – подбодрила Дженна.

Мари открыла рот, чтобы ответить, но отвлеклась, увидев, как Зора крутится рядом с Ледой. Она игриво улыбалась свежесмытым юношам. Те возвращались на свои места, на краю Поляны. Мари стиснула зубы от досады.

Дженна посмотрела в ту же сторону и шумно фыркнула:

– Зора совсем бессовестная! И как только Леда терпит?

Мари промолчала. Нетрудно догадаться, почему мама спокойно сносит подобное бесстыдство. *Клан ждет, когда Жрица Луны назначит себе преемницу и объявит о своем решении. А где это видано, чтобы у преемницы кожа светилась на солнце? Спору нет, Зора гордячка и воображала, но зато любимица Клана. Не случайно она рвется в будущем занять место Жрицы.*

Леда остановилась перед подругами и тепло улыбнулась. Дженна, как и все, подняла голову, и Леда возложила руки на изящный лунный венец. Слова ее предназначались Клану, но взгляд был устремлен на дочь:

– Очищаю тебя от всякой печали и передаю любовь великой нашей Матери-Земли.

Вместе с Кланом Мари прошептала:

– Спасибо, Жрица Луны.

И улыбнулась маме, только ей одной.

Затем Леда коснулась головы дочери, быстро поцеловала Мари в лоб и двинулась дальше, к женщинам, ожидавшим ее.

Мари так и тянуло встать рядом с матерью. Пусть все убедятся, что вовсе она не хилая и годится в помощницы, а в будущем и в жрицы.

– Лучше посиди, а то живот опять разболится.

Мари подняла голову – на нее смотрела Зора. Ничего обидного в словах соперницы на первый взгляд не было, но за показной заботой Мари уловила насмешку. Вскочить бы и закричать: да не болит у меня живот, просто я не такая, как вы! Но ничего такого не скажешь вслух, ни за что – нельзя подвергать опасности себя и, главное, Леду. Поэтому Мари ответила лишь:

– А ты лучше догоняй мою маму. Поторопись, а то другая сероглазая девушка займет твое место.

Гладкий лоб Зоры пересекла морщинка. Она спохватилась, повернулась к Мари спиной и припустила за Ледой.

– Все-таки она противная, – заметила Дженна.

– Мужчины Клана другого мнения, – съязвила Мари.

Дженна прикрыла рот ладонью, подавив смешок. Мари улыбнулась и наклонилась к самому уху подруги. Только она хотела шепнуть, что Зора в своем венце из перьев – точь-в-точь как павлин, но мать тотчас обожгла ее строгим взглядом. Мари встретилась с ней глазами, и Леда беззвучно произнесла одно-единственное слово: доброта.

Мари в ответ виновато улыбнулась. От девушек и детей Леда перешла к матерям и пожилым женщинам, а Мари вздохнула. Мама права, спору нет. Жрица Луны – не просто глава Клана, предводительница, она и советчица, и целительница, и заботливая мать – для всех. Леда не притворяется доброй, доброта ее искренняя, идет от сердца.

А она, Мари, добрый человек? Трудно сказать. Она хочет, чтобы мать ею гордилась. Она старается поступать правильно, но сколько ни бьется, чего-то ей недостает... Нет, не так. Скорее, она настолько отличается от сородичей, даже от матери, что чувствует себя в Клане чужой. С тоской и нежностью следила Мари за Ледой. Вот бы жить в ладу с собой, как мама, как Зора, как все остальные!

Мари машинально одернула рукава, хотя солнце давно закатилось. Осознав, что творит, девушка приказала своим суетливым рукам успокоиться, и у нее перехватило горло от тоски.

*Что я здесь делаю? Мне здесь не место, только позорю маму. Не стоило сюда приходить.*

– Что с тобой, Мари? – встревожилась Дженна.

Только тут Мари поняла, что пропустила мимо ушей весь ее рассказ о том, как она помогала женщинам из ближних нор готовить Поляну к сегодняшнему празднеству.

– Прости, Дженна, мне все еще нехорошо. Пойду-ка к себе в нору, прилягу. Надо успеть до того, как станет совсем темно. Скажешь маме, что меня колики замучили и я ушла отдохнуть?

– Конечно! Ой, вспомнила: я нашла рощицу, где полно лиловых ирисов! Ты ведь говорила, из них хорошая краска получается?

– Да, – кивнула Мари.

– Завтра пойдем собирать?

Мари была бы счастлива ответить «да». Вот бы посмеяться, поболтать, посплетничать вволю с подружкой! Тяжело быть вечно настороже, беспокоиться, как бы на свету не открылась правда.

Но как не беспокоиться? Не угадаешь, когда кожа начнет светиться, а светится она почти всегда, стоит появиться лучику солнца. Дни-то стоят ясные, погожие, нельзя рисковать.

– Не знаю, Дженна, как буду себя чувствовать. Но хотелось бы, очень хотелось.

– Да не грусти, Мари, пройдет. Приду сюда завтра в полдень. Если полегчает, приходи и ты, хорошо?

Мари кивнула:

– Постараюсь.

Она обняла Дженну, молясь про себя, чтобы завтра было пасмурно, и добавила:

– Спасибо тебе, Дженна, ты хорошая подруга. Жаль, что мы редко видимся.

Дженна в свою очередь крепко обняла Мари, потом отступила на шаг и лукаво улыбнулась:

– Неважно, часто ли мы видимся. Главное, весело ли нам вместе, а нам весело, да еще как! Мы сестры по Клану, вот что главное. Я твой друг навеки.

Мари улыбнулась, едва сдерживая слезы.

– Завтра постараюсь прийти, очень постараюсь, – пообещала она.

И, украдкой взглянув на Леду, поспешила прочь. Ее волшебница-мать, стоя в кругу собратьев и омывая всех целительной лунной силой, не заметила, как дочь скрылась в темном лесу. Опять одна.



### 3

Далеко на северо-западе, у стен разрушенного Города, Верный Глаз принял решение, призванное изменить устройство мира. С недавних пор беспокойство, терзавшее его всю жизнь, сделалось невыносимым. Причину он знал. Ему до тошноты надоело делать вид, будто Богиня-Жница и в самом деле живая. Он знал, что ее нет, знал с того самого дня, когда Наставник привел его в Храм Богини.

В день посвящения он был очень воодушевлен, как и другие шестнадцатилетние юноши: пришло время получить им право считаться частью Народа. Верный Глаз постился, молился и принес живность на заклание. Нагими юноши вступили в Храм Богини в самом сердце Города и потом поднялись по лестнице в Покои Стражниц.

Терпкий дух кедровых дров наполнял Покои. Стены просторного помещения украшали затейливые орнаменты из костей Других, принесенных в жертву во благо Народа, во славу Богини и ее щедрот. В размещенных между лежанками металлических чашах, подобно древним жаровням, горел огонь, курились благовония. Своды Храма покрывал дикий виноград, пробивавшийся из щелей купола.

В то время среди Стражниц были как юные девицы, так и старухи, решившие посвятить остаток дней служению Жнице. Верный Глаз помнил, как в день его посвящения на ложах возлежали молодые Стражницы и охотно принимали ласки охваченных похотью мужчин.

– Думай лучше о Богине. Если Она примет твою жертву и даст ответ на твой вопрос, успеешь еще вкусить удовольствий, – напомнил Верному Глазу Наставник, когда тот засмотрелся на одну из парочек, исходившую сладострастными криками.

– Да, мой Наставник, – отозвался он, в тот же миг отвернувшись и направив взор внутрь себя.

Уже тогда, когда Верному Глазу едва минуло шестнадцать зим, он чувствовал, что Богиня предписала ему особое предназначение. Верил. Знал. Ни разу не усомнился. Да, Народ страдает. Нет, Верный Глаз не понимал отчего. Ему неизвестно, почему Жница – прекрасная, грозная богиня его Народа – допускает недуги и смерть. Неизвестно, зачем Богиня велит живьем сдирать шкуры с Других, дабы исцелять раны и напиваться силой. Люди все равно болели и умирали.

В тот день Верный Глаз рассчитывал узнать ответ.

Богиня примет его жертву, ответит на его вопрос, и он навеки посвятит себя ей.

Мимо пробежал юноша, безутешно рыдая. Он прижимал к голой груди свежесъеденного зверька.

– Его жертва отвергнута! Богиня в гневе! – прозвенел с балкона резкий, визгливый голос Верховной Стражницы.

Вздвогнув, Верный Глаз неожиданно понял, что из прибывших участников церемонии в Покоях остался он один. Юноша метнул взгляд на балкон, крепко прижимая к себе заготовленную жертву. Он надеялся, что чутье его не подвело, что не зря он столько дней подряд ставил силки, выпускал случайную добычу, пока в ловушке не оказался белоснежный голубь. Его он и держал сейчас в руках.

– Наставник, введи следующего юношу! – Верховная Стражница шагнула в Покои и встала перед огромным проемом, что отделял залу от балкона, откуда смотрела вниз гигантская статуя Богини-Жницы. Ее облик словно призывал Народ.

– Вот Верный Глаз! – провозгласил Наставник и отошел в сторону, чтобы подопечный мог проследовать дальше.

Когда Верный Глаз приблизился к Верховной Стражнице, та повернулась, и вместе они ступили на священный балкон.

Сейчас-то он знает, что Жница – лишь мертвый истукан, пустая оболочка, никакая не богиня. Но все равно никогда не забудет, как впервые предстал перед изваянием божества. Огромные чаши, расставленные вокруг нее полукругом, жарко пылали. Огонь ярко освещал Богиню, обогревал ее. Верный Глаз молча созерцал увиденное. Он был потрясен ее величием.

Все в ней было божественно. Она излучала силу, мощь, ошеломляла своей красотой. Неуязвимое тело из металла призывно поблескивало в свете пламени. Она была выше любого мужчины раз в десять и прекраснее всех виденных им доселе женщин. Жница стояла на коленях на возвышении над входом в Храм. Одну руку Богиня простирала вниз, к Народу, призывая его к себе, готовая принять и защитить. В другой держала трезубец, смертоносный свежесовальный нож о трех лезвиях. Его она даровала своему Народу после Великого Пожара.

– Какую жертву приготовил ты нашей Богине? – спросила Стражница.

Верный Глаз отвечал, как его учили:

– Предлагаю дух этого создания Богине, а плоть – Стражницам, божьим избранницам. – И в глубоком поклоне протянул старухе снежно-белого голубя.

– Да, сгодится. Следуй за мной к чаше.

Верховная Стражница поманила Верного Глаза к самой большой из чаш, накрытой решеткой, – прямо напротив Богини. Вокруг толпились другие Стражницы, сплошь дряхлые старухи. Они облизывались и перешептывались.

Даже спустя время Верный Глаз содрогался, вспоминая исходивший от них запах тлена. Их воспаленные, бегающие глаза были отвратительны.

Старуха занесла трезубец и вспорола бьющейся птице брюхо, от хвоста до горла – и будто алым цветком расцвело ее тело. Фонтаном хлынула кровь, капли брызнули на поверхность статуи.

– Это знак: юноша угодил Богине! – проскрежетала старуха, подняв в воздух окровавленного, трепещущего голубя. – Какое место желаешь ты занять среди Народа?

– Хочу нести на себе печать Богини и быть Сборщиком урожая, – отвечал Верный Глаз. Он гордился, что голос его тогда не дрогнул, что смело и гордо стоял он перед старухами и Богиней, рядом с которой те смотрелись карликами.

– Да будет так! – Стражница кивнула соратницам.

Те рванули вперед, подхватили Верного Глаза под руки, с неожиданной силой сбили с ног, распластали, пригвоздили к полу балкона. Из одного из котлов Верховная Стражница достала небольшой трезубец. Раскаленные докрасна смертоносные лезвия блестели, будто омытые свежей кровью. Взмахнув трезубцем, она попросила у Богини благословения и преклонила колени рядом с Верным Глазом.

– В великих муках рождается великое знание. Ты принят на службу Жницы и можешь задать ей один вопрос, и Богиня ответит.

Затем она приггла руку Верного Глаза чуть выше локтя.

Юноша не дрогнул, не издал ни звука. Он обратился к Богине и задал свой единственный вопрос:

– *Что я могу сделать, чтобы вернуть силу моему Народу?*

Верный Глаз нащупал выпуклый шрам в форме трезубца, вспоминая, что последовало за его вопросом.

Безмолвие.

Богиня молчала.

Верный Глаз лежал на полу, не замечая жгучей боли в руке, и ждал громового гласа.

– Богиня отвечает Верному Глазу! – крикнула вдруг главная старуха и вскочила, воздев над головой трезубец, весь в крови и остатках паленой кожи. – Богиня приняла его!

– Я слышала ее голос! Богиня приняла его! – вторила другая.

– Внемлите! – вопила Верховная Стражница, потрясая дымящим трезубцем. – Он уже не ребенок! Он Верный Глаз, Сборщик Божий!

Потом Стражницы пытались помочь новообращенному подняться, но тот оттолкнул их иссохшие руки. Немного пошатываясь, Верный Глаз встал перед статуей и заглянул ей в лицо. Он тщился обнаружить хотя бы намек на то, что Богиня недавно говорила.

Но видел лишь безжизненного истукана, а вокруг – полумертвых старух.

Метнув взгляд на Верховную Стражницу, он уточнил:

– Богиня говорила с тобой?

– Точно так же, как говорила с другими Стражницами и с тобой. Да, ее трудно расслышать, нужны чуткие уши, как у Стражниц, – ответила старуха. – Ты что же, ничего не слышал, юный Сборщик?

– Ничего, – подтвердил Верный Глаз.

– Что ж, обычно она глаголет устами Стражниц, а мы всегда готовы помочь. Мы направляем Народ согласно ее воле.

Верный Глаз перевел взгляд на других служительниц: те, взяв заостренные палочки, вонзали их в тело голубя, доставали потроха, делили их и, смеясь и шушукаясь, жадно поедали.

Он еще раз поднял глаза на Богиню – и впервые разглядел ее по-настоящему. В тот миг все и случилось. Он заглянул в металлические глаза статуи и, собрав силы, закричал ей в лицо:

– Будь ты жива, ты не стала бы терпеть этих мерзких старух! Будь ты жива, ты вернула бы силу Народу! Нет никакой Жницы! Нет Богини! Ты мертва!

Верный Глаз помнил, как, стоя перед изваянием, отчаянно желал, чтобы слова его оказались ложью. Он был готов к тому, что Богиня испепелит его на месте за святотатство.

Но никто его не испепелил.

Верный Глаз отвернулся от статуи, и те из Стражниц, которые менее сосредоточенно наслаждались обсасыванием косточек жертвоприношений, а также свободные от ублажения мужчин, закричали от ужаса и гнева. Юноша, ничего не видя и не слыша, спустился с балкона и покинул Храм. Он дал себе слово не возвращаться, пока не узнает ответа. А раз Богиня мертва, придется искать истину самому.

Потому-то теперь, спустя пять зим, Верный Глаз вошел в лес, где обитали Другие.

Лес, древний сосновый лес, притягивал к себе, как луна притягивает воду в приливы. Для Верного Глаза лес всегда таил очарование, непонятное его Народу. С тех пор как он осознал, что Богиня мертва, он стал верить, что, поскольку в лесу есть не только враги и смерть, но и какая-то тайна, в нем можно отыскать ответы на волнующие вопросы, включая главный.

И все же одному в чащобе было не по себе. Ни привычных гладких стен из стекла и металла, ни зданий с лабиринтами ходов, где были и святилища, и пути к бегству. Лишь равнодушное небо, и лес, и Другие.

Верный Глаз ощущал рубец на предплечье в виде трезубца, и покалеченная в этом месте кожа отзывалась тупой болью. Кожа на тыльной стороне ладоней и сгибах локтей пошла трещинами, ныли суставы. Знакомая слабость сковала мышцы. Он заскрипел зубами, противясь дремоте.

– Не поддамся, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – В моей жизни будет не только бесконечный круг болезней и верная смерть. Раз Другие обходят Город стороной – значит, я сам явлюсь в лес. Богиня мертва, и искать ответы придется мне без ее помощи. Я должен найти знак – свою жертву. – Верный Глаз рухнул на колени, преклонил голову. – Да, должен быть знак, и как только я его увижу, возведу о нем Народу.

В лесу царила мертвая тишина. Из кустарника неожиданно показался олень. Своей величавостью он напомнил о Богине, что манила Народ к себе.

Не раздумывая ни секунды, Верный Глаз бросился на зверя, прижал его к земле, не давая вырваться. Затем он ногами крепче уперся во влажный лесной суглинок и стиснул руками

оленью шею. Зверь вильнул крупом, пытаясь лягнуть Верного Глаза раздвоенным копытом, но тот могучими руками схватил оленя за рога и стал сворачивать ему шею, оттягивая голову животного все дальше и дальше назад. Наконец олень тяжело рухнул набок, дрожа и задыхаясь.

Верный Глаз не терял ни минуты. Уперся коленом зверю в основание шеи, пригвоздив его к земле. Достал из ножен на поясе трехзубый клинок и занес его, целясь в точку на хребте, чтобы обездвижить жертву. Но, прежде чем нанести удар, он случайно заглянул в бездонный глаз оленя и, как в зеркале, увидел свое отражение. В фигуре с поднятым трезубцем в одной руке, в то время как другая рука была протянута вниз в знакомом призывном жесте, Верный Глаз разглядел образ Жницы.

Едва он понял это, как радость омыла его горячей волной.

Вот он, знак. Верный Глаз сам сделался Богом! И он знал, что нужно делать.

– Я Сборщик! Я не стану убивать. Буду собирать урожай, а не пададь, жатву, а не отбросы. И тем верну Народу силу. И разлетится жатва за пределы Города – к другим народам, по всему свету.

Он зачехлил трезубец, достал из заплечной сумы длинную веревку и связал оленю передние и задние ноги. Теперь, когда животное не могло вырваться, Верный Глаз обмотал вторую веревку вокруг его шеи, а другой конец набросил петлей на нижнюю ветку молодой сосенки – теперь олень не будет помышлять о побеге, ему лишь бы воздуха глотнуть.

Верный Глаз вновь обнажил свежевальный трезубец. Но вместо того, чтобы вонзить его в оленя, прижал орудие к своей руке и полоснул там, где растрескалась кожа, углубил раны. Выступила розоватая сукровица. Потом Сборщик стал срезать узкие полоски кожи с оленя.

Верный Глаз действовал быстро и умело. Он слушал крики животного, впитывая их с той жадностью, с какой умирающий от жажды пьет воду. Сборщик не забывал обрабатывать раны оленя, смазывая их сукровицей из собственных ран. Верный Глаз вкладывал срезанные полоски оленьей шкуры в травмированные места на своей коже. Плоть оленя, живая и теплая на ощупь, холодила поврежденную плоть человека и мгновенно унимала жжение и боль.

Измученный олень достиг священной границы между жизнью и смертью. Признаки были налицо. Еще одна полоска плоти – и животное очутится за гранью жизни, устремится навстречу неизбежной гибели. Верный Глаз склонил перед оленем голову и прижал окровавленную ладонь к трехзубой метке на предплечье.

– Спасибо тебе, мой олень, за бесценный дар жизни. Я принимаю его с благодарностью.

Он не успел срезать последнюю алеющую с одной стороны полоску оленьей шкуры, как опять поймал в глазу животного свое отражение. Сборщик застыл, созерцая себя. Могучий Бог.

Постепенно к нему пришло осознание.

Чего бы он сам ждал от Бога? Истины. Праведного гнева. Милосердия. Отражение в зрачке оленя подсказало ему ответ.

*Я Сборщик, а не Жнец. Я должен воздержаться от последнего удара. Я должен отпустить посланное мне существо, предоставить его судьбе. Хотя его участь я во многом уготовил сам. Залечив с помощью оленя свои раны, я почти отнял жизнь. Почти.*

Парой ударов клинка Верный Глаз рассек петлю на шее животного и путы на его ногах. Отступив, человек наблюдал, как олень поднялся на ноги, сверкнул белками глаз и шаткой походкой побрел прочь, оставляя за собой алые дорожки.

Верный Глаз проводил его взглядом и стал всматриваться вдаль, где гигантские сахарные сосны, словно часовые, стояли на страже неведомых чудес и тайн, сокрытых за пределами мертвого Города, в краю Других.

Верный Глаз улыбнулся.

## 4

Тропинка к норе вилась в гору, но Мари не привыкать к тяжелому подъему. На подходе к первым кустам крапивы девушка подрастеряла бдительность, столь необходимую в ночном лесу всякому, кто не ищет смерти. Мари не шарахнулась от жгучих ветвей, а вступила в их царство смело. Она легко обходила густые жалящие заросли. Остановилась девушка лишь однажды, возле непролазной стены боярышника. Нагнувшись, она достала из гущи ветвей один из двух дорожных посохов, отполированных за долгие годы до блеска. С его помощью Мари раздвинула крепкие крапивные стебли – и через миг они сомкнулись позади нее неприступной стеной.

Подъем стал еще тяжелее. Тайные тропы вились сквозь крапиву, образуя целый лабиринт, но Мари знала его секреты. Крапивные заросли были посажены и взлелеяны многими поколениями Жриц, чтобы надежно спрятать от посторонних глаз жилище.

Все Землеступы жили в норах, вырытых собственноручно, и обычно выбирали для жилищ укромные, труднодоступные уголки. Женщины предпочитали селиться поближе друг к другу. Мужчины, даже семейные, жили отдельно от женщин, поскольку ночная лихорадка делала совместную жизнь столь же затруднительной, сколь и опасной. Впрочем, люди Клана не чурались друг друга. Женщины отвечали за повседневные дела: нянчили детей, растили урожай, ткали, плели, наставляли сородичей, принимали законы. Мужчины охотились и защищали Клан.

В Кланах Землеступов царил матриархат, возглавляла каждый Клан Жрица Луны. Она не только омывала сородичей от ночной лихорадки, но и была целительницей – и даже, как гласило предание, держала под защитой Истинный Дух Клана. Пока процветала Жрица, процветал и Клан.

Пробираясь сквозь крапивный лабиринт, Мари чувствовала, будто растения держат ее в объятиях, укрывают, защищают по-матерински. Бережно отодвинув последний крапивный стебель, девушка ступила на ковер из мха. Впереди круглилась арка, что обрамляла тяжелую деревянную дверь в нору. Арку украшала резная фигурка Матери-Земли, отполированная до блеска почтительными прикосновениями многих Жриц, живших под этими сводами в мире, радости и покое.

– Вот почему никто, кроме Жрицы Луны и ее дочерей, не должен знать, где ее нора, – обратилась Мари к безмолвной статуэтке. – Дух Клана должен быть под надежной защитой.

Девушка шагнула к двери и, подражая движениям матери, приложила ладонь к губам, а затем к фигурке Матери-Земли:

– Прошу тебя, храни маму, приведи ее домой целой и невредимой, – прошептала она.

Внутри ее встретила знакомая обстановка, родные запахи. Сбросив плащ, Мари прямоком направилась к умывальной бадье, окунула руки в холодную воду, смочила лицо и принялась отскребать от себя засохшую глину – неприятный, но вынужденный защитный покров. И так каждый день. Девушка вытерла лицо и руки, стараясь не думать о том, что волосы тоже грязные, и зашептала себе под нос: «Лучше бы...». Потом прервала себя, села за рабочий стол, взяла неоконченный портрет Леды и обратилась к нему со словами, которые никогда не сказала бы матери в лицо – не настолько же она бесчувственная:

– Лучше бы ты его не знала, мама. Лучше бы ты полюбила кого-то из нашего Клана. И тогда я ничем не отличалась бы от других. И могла бы смело стоять с тобой рядом, без опаски, что нас могут изгнать или того хуже.

Излив душу, Мари мысленно одернула себя: «Что толку тоску нагонять! Надо взбодриться к маминому приходу. Она за меня переживает. После очищения Клана вернется уста-

лая. Мало того, что она переживает за меня, так еще работа с Кланом отнимает у нее немалые силы».

Девушка задумалась, а затем высказала вслух мысль, которая терзала ее каждую третью ночь, когда мать уходила из дома выполнять обряд:

– Ненавижу их. Ненавижу землерылов. Знай себе черпают у нее. Рано или поздно они вычерпают ее до дна.

*Девочка моя, нельзя ненавидеть свой Клан. Ты владеешь моим сердцем, а я владею Духом Клана. Самая заветная моя мечта – что однажды Духом Клана завладеешь ты.*

Припомнив материнские наставления, Мари заставила себя отвлечься от горьких мыслей и обратилась к занятию, всегда приносившему ей радость – к рисованию. Она взяла неоконченный мамин портрет и всмотрелась в него острым взглядом художника. Да, руки вне перспективы, но это легко поправить. Зато лицо и вправду удалось. Леда, хоть и Жрица, хоть и душа Клана, но не была красавицей, под стать большинству сородичей: низкий лоб, толстоватый нос, губы ниточкой. Но на рисунке узкие губы Леды растянулись в прекрасной улыбке, подчеркивающей огромные серебристо-серые лучистые глаза, истинное украшение лица.

– Вот они-то мне удались.

Мари невольно потянулась к драгоценному овальному зеркалу размером с ладонь – большую редкость. Оно возвышалось на столе среди чернильниц, перьев и угольных карандашей. Девушка поднесла его поближе и заглянула в волшебное стекло.

В зеркале она увидела чистое, умытое девичье лицо, в чертах – ни намек на материнский облик, огромные серебристо-серые глаза не в счет. Мари провела рукой по волосам, те стояли колом из-за густой темной краски. Мама красила ее волосы раз в неделю, чтобы они приобретали мутный, грязноватый оттенок, как стоячая вода в водоеме. «Точь-в-точь землерылиха, – расстроилась было Мари. Однако, покачав головой, девушка приказала своему отражению: – Не вздумай жаловаться! Пусть некрасивая, зато живая. И никто не знает о тебе правду».

Мари тряхнула головой, и при тусклом свете мха и грибов-фонариков глаза ее, зоркие даже в темноте – эту черту она унаследовала от матери – уловили в зеркале отблеск закатного солнца. Не спуская глаз со своего отражения, девушка выпростала из свалывшейся копны на голове длинную прядь и накрутила на палец. Краска в этом месте сошла, и прядь под ней была шелковистая на ощупь.

– Мои волосы золотистые, как солнце. Я почти успела забыть.

Мари опять взглядела в отражение. И не зря. В полутьме пещеры брови поблескивали, и сквозь темную краску настойчиво проступал их настоящий, золотистый цвет.

– Мама, как всегда, права. Пора красить, – буркнула Мари.

Да не все ли равно? Завтра, перед тем как выйти наружу – а она выйдет из дома, только если солнце будет закрыто облаками – Мари тщательно закрасит свои светлые брови, намажет лицо грязно-серой пастой, которую они с мамой доводили до совершенства целых восемнадцать зим. Словом, огрубит свои черты и превратится в настоящую, чистокровную землерылиху.

Мари провела рукой по чистому лбу, не шишковатому, как у матери, а гладкому. Затем ощупала выступающие скулы, точеный нос.

– Я вижу тебя, отец, – шепнула девушка, глядя в зеркало. – Только так я и могу увидеть тебя, но все-таки вижу. Вижу в себе твои черты, знаю нашу историю. Маме никогда не забыть. И мне не забыть. А как тут забудешь? Что ни день, мое несходство с окружающими напоминает о тебе.

Мари отложила зеркало и принялась рыться в стопке листов с рисунками, которые нуждались в доработке. Леда знала, что это лишь наброски, и не трогала их. С самого низа стопки девушка достала тонкий длинный листок.

Набросок был сделан черной тушью из грецкого ореха. Лишь самые острые перьягодились для тончайших штрихов, что оживили бы рисунок. С рисунка смотрел высокий мужчина, будто списанный с Мари, только глаза другие. Он стоял рядом с водопадом, улыбаясь простенькой молодой женщине, глядевшей на него влюбленными глазами – глазами Леды; на руках женщина держала младенца, запеленутого в пышные мягкие листья священного папоротника. А рядом с изображением мужчины просматривался едва намеченный контур огромного пса, стоявшего на страже.

– Вы встретились случайно, – проговорила Мари, водя пальцем по рисунку. – Она не должна была видаться с тобой, но все-таки виделась. Не должна была тебя любить, но любила. Она рассказывала, что по твоему лицу с первого взгляда поняла, какое у тебя доброе сердце. – Мари умолкла и вновь коснулась своего лица. – Мама говорит, что тоже видит во мне твои черты. Но мы должны скрываться, оберегать вашу тайну, потому что Псобратьям и Землеступам нельзя быть вместе, нельзя любить друг друга. – Мари осторожно погладила лист бумаги, будто лаская отца, которого ей не дано увидеть. Взяв любимое перо, она обмакнула его в чернила и принялась выводить на коже отца тончайшие узоры, что вспыхивали при свете солнца. Оно наполняло Псобратьев силой, которая когда-то уничтожила мир, но она же и помогла создать новый, основанный на новых началах.

Те же филигранные узоры проступали и на коже Мари, но никогда, никогда не вспыхнут они на коже Леды и ее соплеменников-Землеступов.

Ночь напролет трудилась Мари, склонившись над листком – дорабатывала рисунок и вспоминала историю, много раз слышанную от матери: о человеке, который вместо того чтобы взять ее в плен, угнать в рабство и презирать, полюбил ее. О том, как они встречались тайно, узнавая друг друга: Гален обнаружил скрытую красоту Леды, а Леда – его удивительную доброту. О том, как от их любви родилась Мари и как Гален с Ледой собирались бежать, чтобы положить начало новому племени, где-нибудь далеко, в глухих лесах, где нет ни Псобратьев, ни Землеступов, только Леда, Гален и дитя, которое они поклялись любить.

– Ах да, про тебя-то я и забыла. – Мари, созерцавшая рисунок, коснулась грубо набросанного контура собаки. – Звали тебя Орион, и историю твою я знаю, а вот как ты выглядел – нет. – За всю жизнь Мари лишь четыре раза видела собак, да и то мельком и издалека. Память хранила лишь смутные силуэты.

*«Псов остерегайся – от рысей скрывайся – к земле припадай, жизнь свою спасай»*, – прошептала Мари правило, знакомое всем Землеступам.

– Но это еще не все, – размышляла она, штрихами создавая мех Ориона. Леда рассказывала, что Псобратья и их собаки схожи характерами – овчарки-вожаки храбры и благородны, а охотники-терьеры умны и преданны, и что собака сама выбирает спутника на всю жизнь, наделенного теми же прекрасными чертами.

– Тогда почему Псобратья берут нас в рабство и обращаются с нами как с животными?

Никто не отозвался, тихо было в норе, и Мари снова вздохнула, жалея, что не знает истинных ответов на свои вопросы. От матери она, конечно, слышала, что у отца была овчарка, могучий пес, без тени злобы и коварства. Он отличался благородством, как и его спутник, ее отец – и был верным и любящим, добрым и смелым. – Мама говорит, мех у тебя был гуще, чем у кролика, и мягче, чем у олененка. Ах, если бы только я тебя знала! Если бы могла дорисовать!

Мари встряхнула головой, будто вынырнула из глубокого омута. Ее желаниям не дано сбыться.

– Мы не успели сбежать, тебя убили, – продолжала Мари. – И тебя, и отца моего убили. – Взгляд ее упал на младенца в живительных листьях священного папоротника. – Они застали вас, когда вы рвали для меня листья папоротника, и убили, потому что вы не стали нас выдавать. – Мари зажмурилась. Сейчас она жалела, что у нее столь богатое воображение – слишком



явственно виделась ей картина их гибели. И пусть с того страшного дня миновало уже восемнадцать зим, Леда не могла вспоминать о нем без слез.

*«Его выследили по дороге к месту наших встреч и пытались заманить нас с тобой в ловушку, девочка моя. Но твой отец велел мне никогда, никогда не выходить, пока я не услышу его зов. В тот страшный день он, видно, чуял беду – не звал меня, когда я стояла в укрытии. Я тихонько ждала вместе с тобой, улыбалась – думала, он меня испытывает, для нашей же безопасности.*

*Но это оказалось не испытание. На него набросился Воин, он принуждал выдать нас. Мой Гален, твой благородный отец, отказался. И его отказ стоил жизни ему и Ориону».*

– Ты нас не выдал, но обрек на изгнание. – Мари откинула со лба спутанные волосы. – Знаю, это не твоя вина. И мама сделала все, что в ее силах. Все это время она меня оберегала, любила, была мне лучшим другом. Она подарила мне жизнь, хотя и не переставала тебя оплакивать. – Мари грустно улыбнулась отцу на портрете, в тысячный раз дивясь тому, что они с мамой верили, будто смогут жить вместе. – Разве что где-нибудь в другом мире, – обратилась она к отцу и его духу. – В другой жизни. Знаю, ты не хотел бы этого слышать, но скажу начистоту: лучше бы вы с мамой никогда не встречались. Мама полюбила бы собрата по Клану, и я бы ничем не отличалась от прочих Землеступов. И не было бы так одиноко ни маме, ни мне.

Мари поработала еще и наконец, отложив перо, придирчиво глядела на рисунок, пока тот сушился. Показать маме или не надо?

Все-таки не стоит. В первый раз она попыталась нарисовать отца, когда ей едва исполнилось девять зим. Сияя от гордости, что удалось воссоздать сцену из маминых рассказов, показала она Леде готовую работу. Мать восхитилась: просто чудо – Гален вышел как живой! Но при этом она побледнела, а ее рука задрожала так сильно, что Мари пришлось держать перед ней рисунок. И потом еще много дней из маминой комнаты доносились глухие рыдания – еле слышные, будто из снов.

Решив, что надо бы оттенить волосы Леды, Мари вновь склонилась над рисунком, пытаясь придать живости изображению матери, полной светлых надежд. Про себя Мари думала, что не желает больше жить во лжи и страхе – постоянном, ежеминутном страхе. «И пусть у меня наконец появится собственная история...»

\* \* \*

В поисках ответа Верный Глаз сам сделался Богом. Он понял это по силе, что разлилась по телу, когда сошла его старая, поврежденная кожа и осталась новая, здоровая. Как такое возможно?! Олень не принадлежал к Другим. Его живая плоть не должна была излечить Верного Глаза. Даже плоть Других и та не спасала – на его памяти она ни у кого не прижилась. Сколько ни ловили и ни свежевали Других, никто из Народа не исцелился – во всяком случае, до конца. Не проходило и года, как болезнь возвращалась. Кожа у больных сморщивалась, лопалась, слезала, и, в конце концов, они умирали. Все до единого.

Но теперь с этим покончено.

Верный Глаз расправил могучие плечи и, поигрывая мускулами, засмеялся. Он просил о знаке, и олень дал ему знак. Пусть старики шныряют по Городу и молят Жницу, чтобы их шкуры прослужили подольше, или – если все средства исчерпаны – заманивают в Город побольше Других в надежде продлить свои жалкие жизни.

Нет, не станет больше Верный Глаз ни о чем просить мертвую Богиню. Если Народ хочет жить и здравствовать, пусть перестанет поклоняться железному истукану и признает Бога, что живет среди них. Это столь же очевидно, как сила, наполняющая его тело.

Для начала нужно донести до Народа истину. Долго думал Верный Глаз, как обратиться к Народу. Пусть он жаждет открыть правду, очевидно, что Народ пока не готов ее услышать. Нет, к появлению нового Бога они не готовы – зато, возможно, готовы встретить нового Заступника?

Из поколения в поколение за мертвую Богиню говорили немощные старухи. Будет ли легче Заступнику объявить божественную волю?

С приходом тьмы Верный Глаз пробрался к Храму Жницы. В первый миг он возликовал, увидев, сколько людей собралось здесь, среди костров у входа в Храм и на дороге, вымощенной огромными разбитыми кирпичами. Но, присмотревшись, заметил, что пришло почти сплошь старичье, с облезлой кожей и мутными безжизненными глазами. «Они будто скот, обреченно ждут очереди на бойню», – подумал он.

Он выступил вперед, повернувшись к Народу лицом.

– Неужели никто из вас не осмелится к Ней приблизиться? Неужели вы все согласны умереть здесь, в тени Ее Святилища? – обратился он к толпе, и эхо отозвалось от могучих, искрошенных временем стен Храма.

– Мы поклоняемся Жнице издали, – отвечал седой старик, полностью обнаженный, если не считать клочков мха, прикрывавших гнойные язвы.

– Черепаха, Богиня призывает к себе, а вы поклоняетесь ей издали и тем довольны? – Верный Глаз смерил старика суровым взглядом.

– Она призывает к себе Стражниц, и те уже рядом. – Черепаха почесал болячку на руке. – А мы, как велели Стражницы, ждем, когда Она еще приманит в Город Других. Если мы будем молиться и приносить обильные жертвы, Другие появятся.

– Думаю, Она призывает к большему! Думаю, Стражницы заблуждаются. Нашей Жнице приелись старухи, она призывает Заступника!

Толпа разразилась возмущенными криками. Широким жестом Верный Глаз сбросил рваный плащ и предстал перед толпой обнаженным по пояс. Он ловил на себе изумленные взгляды. Совсем недавно он вложил полоски оленьей шкуры в открытые раны на руках и груди. Теперь раны полностью затянулись – новая кожа, чистая и здоровая, розовела поверх оленьей плоти, и тело вобрало в себя силу зверя. Он повел плечами, радуясь обретенной силе. С нечеловеческой, почти оленьей грацией вспрыгнул он на храмовую стену, ухватился за одну из крепких виноградных лоз, ниспадавших с балкона Жницы, и полез вверх по стене, выложенной скользким зеленым кафелем. Достигнув балкона, он перемахнул через барьер и привычно рухнул на колени перед огромной статуей.

– Хоть Жница и недовольна твоим внезапным появлением, она все же приветствует Сборщика. Приготовь свою жертву, – проскрежетала Верховная Стражница.

Верный Глаз, по-прежнему стоя на коленях, достал из заплечной сумы мелкого грызуна. Очутившись на ярком свету, жирный зверек стал рваться на волю.

Но вместо того, чтобы, как полагается, протянуть жертву Стражницам, Верный Глаз вскочил и вынул из-за пояса трезубец. Стражницы в ужасе ахнули, а Сборщик, изогнув тельце зверька полумесяцем, полоснул его клинком по горлу. Горячая алая кровь брызнула вверх, окропив лицо Богини.

– Она плачет! Жертва Верного Глаза исторгла у Богини слезы!

Из углов балкона, расталкивая друг друга, к статуе устремились всполошившиеся Стражницы.

– Зачем? Зачем ты заставил Богиню плакать? – слышались испуганные старушечьи голоса.

– Разве вы сами не знаете ответа? – Голос Верного Глаза был полон отвращения. – Разве Богиня не глаголет вашими устами?

Глаза Верховной Стражницы сузились.

– Ты посмел усомниться в Стражницах Богини?

Верный Глаз выпрямился и швырнул еще теплое тельце зверька в одну из жаровен. Он не ответил Верховной Стражнице. Прочие служительницы глядели на него в немом ужасе, а иные, тыча в жаровню палками, извлекали паленые потроха и, чавкая, засовывали в ненасытные рты. Мерзкое зрелище. Кто они такие? Всего лишь трусливые и жадные старушонки, чья дряблая кожа – красноречивое свидетельство, что все для них миновало: и пора цветения, и время сбора урожая, и сама жизнь! Он проворно вскочил на карниз и оттуда оглядел Народ.

Толпа беспокойно гудела, подхватив вопли Стражниц: «Она плачет! Плачет!» Все смотрели на него, и глаза на бледных лицах при свете костров поблескивали, как светляки.

– Она плачет от радости – наконец явился Ее Заступник! – Голос Верного Глаза, призывный, как горн, заставил Народ умолкнуть. – Я молился о силе, просил Богиню наставить меня на путь истинный, и молитва моя услышана!

Самая древняя из старух-Стражниц приблизилась к нему; ее ветхая, землистого цвета кожа была изрыта суровыми морщинами.

– Лишь Стражницам дано слышать слово Богини! – Речь ее разила как клинок. – А теперь ступай! Если Богине нужен Заступник, он будет назначен, как назначается доля Народу – по жертвенным внутренностям.

– То есть он будет провозглашен вами? А чего ждать от вас, старух, если вы веками твердите одно и то же? Стало ли от ваших слов лучше Народу, или же лишь немногим избранным – вам, Стражницам? – сказал Верный Глаз.

– Кошунство! Кошунство! Кошунство! – запричитали Стражницы жалкими скрипучими голосами.

– Согласен! Против Жницы совершено кошунство, но Заступник исправит зло, которому давно пора положить конец. – Глубокий, звучный голос Верного Глаза пронзил толпу старух, как пронзает трезубец живую плоть. – Взгляните на меня! Взгляните на мою кожу! Я не сидел сложа руки, не ждал, пока к Городу приблизится кто-то из Других. Я добыл оленя, и Богиня вознаградила меня. Я принял дар. Я стал оленем, а олень – мною! – Он вытянул руки всем Стражницам напоказ. – Обнажите и вы тела ваши, докажите, что Жница благоволит к вам!

Старуха отмахнулась иссохшей рукой.

– Я Стражница Богини, а ты простой Сборщик. Нет нужды ничего тебе доказывать.

– Разве вы не слышали? Я Заступник Богини! – Не раздумывая, Верный Глаз бросился вперед, схватил старуху за костлявые бока, поднял высоко вверх и насадил на трезубец, что вздымала к небу Богиня. Пока старуха визжала и корчилась в предсмертных судорогах, Верный Глаз пустился в погоню за другими Стражницами. Те в страхе пытались бежать, но он без труда их настиг и одну за другой побросал с балкона на разбитую мостовую.

Охваченный яростью, Верный Глаз снова вскочил на карниз и на сей раз устроился в сгине руки Богини. Он будто находился в ее объятиях.

– Кто-нибудь еще оспаривает мое право зваться Заступником?

Люди падали на колени среди окровавленных, умирающих Стражниц. Верный Глаз запомнил каждого, отмечая про себя, кто остался, а кто скрылся во мраке ночного Города. Он радовался, что остались молодые. И радовался, что Черепаха и другие старики убралась прочь.

Вот и прекрасно. Не нужны здесь дряхлые и немощные.

– Мы признаем тебя! – раздался чей-то голос, за ним – другой, третий. – Признаем! Признаем! – подхватил Народ.

Верный Глаз, наслаждаясь славой, благосклонно улыбался Народу, а голова шла кругом от неисчислимых возможностей, что таило будущее.

## 5

Высоко в ветвях завозила самочка. Отползла от спавшего рядом брата – из всего выводка лишь им двоим осталось выбрать себе спутников. Повела носом в его сторону, вдохнула уютные запахи родного логова, матери, сырой крольчатины, которой оба недавно поужинали. Крупный щенок-мальчик засопел, зевнул, привалился боком к сестре и, прикрыв лапой нос, снова задремал. На секунду и самочка почти отдалась сну, но зов снова дал о себе знать, на сей раз настойчивее.

Нельзя спать. Надо найти того, кто станет ей спутником, товарищем на всю жизнь.

Вход в ясли был закрыт от холода, наступавшего в час длинных теней. Самочка уселась под дверью и дважды тявкнула – не по-щенячьи, как до сих пор, а по-иному, звонко, отрывисто. В укромном закутке у входа тотчас проснулся дремавший человек и встрепенулась большая овчарка, свернувшаяся у его ног.

– Наконец-то! – радостно воскликнул Опекун и, потрепав свою овчарку по холке, отвязал и сдвинул в сторону занавес из шкурок, служивший дверью в ясли. Радость его передалась и самочке. Глядя ему в глаза, она замерла в ожидании, трепеща всем телом. Человек с улыбкой дал ей команду, самую важную за всю ее щенячью жизнь:

– Ищи!

Самочка тут же выскочила на узкий мостик и помчалась вперед. Когда Опекун с овчаркой обогнали ее, мужчина крикнул:

– Самочка выбирает спутника! Время пришло!

В Племени не утихали споры, как щенок выбирает в спутники того или иного человека. По внешности? Или по запаху? Может, это судьба или же случай волшебным образом определяет выбор? Если бы можно было хоть ненадолго, прямо перед выбором, заглянуть в душу щенка, сторонники всех точек зрения с удивлением обнаружили бы, что в каждом из предположений есть доля истины – но лишь доля.

– Посторонись! Посторонись! Самочка выбирает! – Опекун, сложив руки рупором, предупреждал людей, которые не спеша разбредались по гнездам, любясь красками заката, вдыхая сытный дух кушаний, еще не зная о молодой самочке, что неслась бесшумно вдоль извилистых проходов, ведомая заветной целью.

– Это же самочка! Она выбирает спутника! – Крик подхватили, и люди Племени высыпали из теплых гнезд, с любопытством наблюдая за щенком, ускорявшим бег.

– Светильники зажгите, а то свалится с моста, так и не успев сделать выбор! – прогремел чей-то голос, и ярким цветком заалел факел, а солнце садилось, и все длиннее становились тени.

Пока щенок несся по воздушным мостам, соединявшим жилища-гнезда, за ним следило все Племя: те, у кого уже были спутники-собаки, понимающе улыбались, а те, кто жил пока без спутника, смотрели с ожиданием и надеждой.

Очень скоро, почти сразу, вслед щенку заиграла музыка. Вначале – совсем тихая: лишь барабаны мерно постукивали в такт топоту щенячьих лап по дощатому настилу. Затем к ударным присоединилась флейта и струнные, и, наконец, в едином порыве взмыли вверх хрустальные женские голоса:

*Ты процветаешь – и мы процветаем*

*Во веки, во веки веков.*

*Все тайны жизни ты нам открываешь —*

*Во веки, во веки веков.*

Под сладкие звуки священного гимна Племени самочка добралась до подъемного моста и стала ждать, нетерпеливо перебирая лапами и взлаивая, будто поторапливала музыкантов, а заодно и тех, кто управлял мостом.

– Она не может даже дождаться, когда мост опустится до конца! – крикнул Опекун. Он пытался удержать щенка за загривок, но не успел – самочка, собравшись с духом, сиганула с моста, не успевшего опуститься. Раздался всеобщий вздох облегчения: она не упала с высоты полсотни футов на землю, где ее ждала бы верная смерть, а приземлилась на другой конец моста и выбралась на широкую безопасную площадку.

Музыка и пение смолкли. Двенадцать женщин, молодых и постарше, ухаживали за священными папоротниками – поливали их, подрезали, с песнями и молитвами. При шумном появлении молодой овчарки и ее свиты все женщины, кроме одной, повернули головы, приветствуя щенка. Те, с кем рядом находились собаки, заулыбались. Взгляды их потеплели, руки невольно потянулись приласкать своим любимцев. У четырех молодых женщин не было спутников. Все они были еще очень юны, зим по восемнадцать, не больше. Они следили за щенком затаив дыхание, в радостном ожидании.

А тот, будто не видя их, решительно устремился к единственной из женщин, которая не смотрела в его сторону.

Приближаясь к ней, самочка замедлила свой бешеный бег и зашагала важно, с серьезностью, удивительной для ее пяти с половиной месяцев. Женщина, привлекавшая внимание молодой овчарки, сидела скрестив ноги перед огромным священным папоротником, готовым раскрыться. Голова ее была опущена. Щенок задрал мордочку и уткнулся ей в шею, туда, где густые, золотистые с проседью волосы были собраны в свободный, но опрятный узел.

Почувствовав прикосновение, женщина уронила лицо в ладони, плечи ее задрожали.

– Я... я не выдержу. Второго раза не будет. У меня сердце разобьется. – Слезы душили ее.

Молодая самочка прижалась к ней крепче и тихонько заскулила, чувствуя ее боль.

– Твое сердце *может* разбиться, если ты ее примешь, – молвил Опекун, стоявший позади щенка. – Но если отвергнешь, ее сердце *будет* разбито наверняка. Способна ли ты так с ней обойтись, Маэва?

Маэва обернулась к Опекуну. Лицо ее, хоть и носило печать лет, утрат и сожалений, все еще было прекрасно.

– Видишь ли, до сих пор неизвестно, почему некоторых выбирают дважды, но это великий дар, Маэва.

– Посмотрим, как ты заговоришь о даре, когда твоей Алалы не станет, – ответила Маэва, и в словах ее слышался не гнев, а печаль.

– Я боюсь этого дня, – признался Опекун и невольно потянулся погладить по голове крупную овчарку, что все время держалась рядом. – И все равно я ни на что не променял бы свою жизнь с Алалой. Храни в сердце любовь к Тарин и память о прекрасных годах, проведенных бок о бок с ней, но не дай скорби мешать тебе жить.

Плечи женщины поникли; до сих пор она так и не взглянула на щенка.

– Пришла пора дать молодым дорогу в Вожаки.

Опекун усмехнулся, но по-доброму.

– Священные папоротники процветают благодаря твоим заботам. Голос твой так же чист и звонок, как и двадцать зим назад, а теперь еще и эта самочка выбрала тебя – именно тебя, хотя выбор у нее богатый, целое Племя! Подумай, Маэва! Щенок-Вожак избрал тебя в спутницы – и выбор этот всегда безошибочен, и изменить его нельзя, и узы ваши нерушимы.

– До самой смерти, – добавила Маэва, и голос ее дрогнул от слез. – Лишь со смертью прерывается связь.

– Верно, лишь со смертью, – печально подтвердил Опекун. – Напомни, сколько ты зим прожила со своей Тарин?

– Двадцать восемь зим, два месяца и двенадцать дней, – сказала Маэва тихо.

– И сколько прошло со дня ее смерти?

– Три зимы и пятнадцать дней, – без раздумий ответила Маэва.

– И пусть боль твоя еще не утихла, скажи мне, за эти три зимы и пятнадцать дней пожалела ли ты хоть раз о том, что Тарин выбрала тебя?

– Ни разу, – сказала Маэва твердо, и глаза ее гневно сверкнули, будто она сочла вопрос оскорблением.

– Быть избранным овчаркой – счастье. Быть избранным дважды – не что иное как чудо. Но окончательный выбор за тобой – лишь ты одна вправе решать, впустить ли чудо в свою жизнь.

Опекун перевел взгляд на молодую овчарку – с тех пор как Маэва отвернулась, та сидела неподвижно и не сводила с женщины глаз, будто в целом мире никого больше не существовало, кроме них двоих.

– Даже если она тебе не нужна, Маэва, этому юному существу без тебя не обойтись.

Маэва прикрыла веки, и слезы хлынули по ее щекам.

– Мне она нужна, – прошептала она.

– Поступай же так, как поступали многие до тебя – черпай силу от спутницы, которая доверяет тебе больше, чем ты сама себе.

Маэву била дрожь. Она глубоко вздохнула, открыла глаза и, наконец, впервые посмотрела на щенка.

Глаза у молодой собаки были карие, ласковые, и что-то в них до боли напоминало Тарин. Однако сходство с Тарин на этом кончалось. Шерсть самочки была темнее, а шею и грудь обрамлял редкостный серебристый мех. Она была крупнее Тарин – настолько крупнее, что Маэва про себя подивилась: ей нет еще и шести месяцев, а выглядит такой взрослой! За все время с момента рождения щенков Маэва не заглядывала в ясли и не навещала никого из Псобратьев, избранных другими щенками из того же выводка.

*Слишком тяжело было, – думала Маэва, разглядывая самку. – До этой минуты я шаркалась от щенков овчарок, рожденных после смерти Тарин. Прав был Опекун – с тех пор как я потеряла Тарин, я будто и не жила.* – Собравшись с духом, Маэва снова взглянула щенку в глаза – только сейчас она избавилась от печали, что омрачала ей жизнь больше трех зим, и открыла сердце для новых радостей.

Молодая овчарка не шевелилась. Она все смотрела и смотрела на Маэву, и ту вдруг заполнило тепло – будто любовь щенка перетекла в нее, нащупала в сердце то, что сломалось со смертью Тарин, и исцеляла ее, укрепляя дух.

– Ах! – выдохнула Маэва. – Я так долго оплакивала Тарин, что забыла, что такое любовь, одна только память об утрате осталась, – призналась она не столько себе, сколько щенку. – Прости, что заставила тебя ждать. – Слезы потекли по щекам Маэвы, рука дрогнула, и, нежно взяв в ладони щенячью мордочку, Маэва принесла молчаливую клятву, что давали все Псобратья своим собакам: «Принимаю тебя, клянусь любить и оберегать тебя, пока смерть не разрушит наши узы».

Некоторое время ни Маэва, ни щенок не шевелились – а затем, в тот самый миг, когда молодая овчарка, виляя хвостом, бросилась в объятия своей спутницы, разом подали голос все собаки в Племени.

– Как ее имя? – спросил Опекун, перекрывая ликующий лай собак.

Маэва, обнимая щенка, подняла лицо, помолодевшее от счастья лет на двадцать – она уже не выглядела на свои пятьдесят зим.

– Фортина! Ее имя Фортина! – Маэва засмеялась сквозь слезы, а щенок радостно принялся вылизывать ей щеки.

– Да благословит ваш союз Солнце! – провозгласил Опекун, склоняя голову в знак признания их уз.

– Да благословит ваш союз Солнце! – подхватило Племя знакомый клич.

Осторожно пробираясь сквозь веселую, но чинную праздничную толпу, высокий человек пересек подъемный мост. Рядом шествовал огромный пес с серебристыми подпалинами, как у молодой овчарки. Женщины, окружавшие Маэву с Фортиной, почтительно расступились, давая дорогу Жрецу Солнца.

– Добро пожаловать, Сол, – поприветствовал Опекун Жреца и посторонился, пропуская его с собакой поближе к Маэве.

– Лару, твоя дочь сделала мудрый выбор. – Сол потрепал своего пса по пушистой холке и тепло улыбнулся Маэве, державшей щенка на руках. – Как ее имя, друг мой?

– Фортина, – ответила Маэва и чмокнула самку в нос.

Жрец Солнца еще шире заулыбался.

– Солнце да благословит ваш с Фортиной союз.

– Спасибо, Сол, – отозвалась Маэва.

– Если выбор совершается перед заходом солнца – это знак судьбы, – заметил Сол.

Маэва разглядела линию горизонта на западе сквозь густые ветви ближнего священного дерева.

– Я... я упустила это из виду.

– Пойдем, Маэва. Приглашаю тебя и щенка встретить со мной закат.

Глаза Маэвы расширились от изумления, но Фортина уже соскочила с ее колен и призывно тыкалась мордочкой в ноги. Задыхаясь от счастливого смеха, Маэва вместе с молодой овчаркой пустилась вдогонку за Солом и Лару – те уже пересекли широкую площадку и спешили вверх по винтовой лестнице, выходящей спиралью вокруг группы сосен, на ветвях которых выращивали священные папоротники. Лестница вела наверх, к искусно украшенной площадке, натертой до янтарного блеска. Площадка возвышалась над куполом древнего соснового леса; перила, в пояс высотой, сияли, начищенные, а поддерживающие их балясины были вырезаны в форме воющих псов.

Маэва осмотрелась. Она будто впервые разглядела красоту мест, где жило Племя. На площадках поменьше, вблизи и вдаль, тоже стояли Псобратья, каждый со взрослой овчаркой или терьером; при виде Сола они оборачивались, кланялись коротко, но почтительно, и продолжали нести вахту, без усталости наблюдая за тем, что происходит внизу. Радость омыла Маэву живительным летним дождем. Когда Фортина подрастет, она, Маэва, снова получит право воздвигнуть площадку и нести вахту.

В радостном ожидании глядела Маэва на восток, в сторону острова, что в Племени называли Фермой – изобильного, снабжавшего Племя зерном, овощами, фруктами. Отсюда, со склона горы, где Племя возделало свои висячие жилища, зеленый остров, омываемый Каналом и рекой Лумбией, напоминал изумруд. Ближайший из двух водных путей, Канал, был освещен солнцем и из зеленого превратился в золотой. Даже ржавый остов древнего моста – единственный путь на остров – отливал уже не цветом запекшейся крови, а янтарным.

– Дивно! – шепнула Маэва щенку. – Я уже успела забыть всю эту красоту.

Счастливая и умиротворенная, Маэва окинула взглядом владения Племени, что широко простиралось вокруг и будили в ее душе надежды. Просторные круглые семейные гнезда и небольшие холостяцкие коконы уютно сидели на толстых ветвях гигантских сосен, будто их свили огромные диковинные птицы. Ажурные переходы были увешаны гирляндами из ракушек, бубенцов, костяных бусин, бисера, стекляшек. В лучах заката украшения вспыхивали мириадами радуг на фоне зелени всех оттенков: сосновой хвои, орхидей, мхов, папоротников. Внизу, на изящных мостиках, собиралось Племя, рассаживалось напротив огромных драгоценных зеркал, размещенных продуманно, для красоты и удобства – как и все в Племени. Маэва

широко раскрыла глаза, дивясь, как велик и силен ее народ. *С каких это пор нас стало так много? Немудрено, что священные папоротники растут будто на дрожжах. Дети рождаются один за другим, Племя увеличилось, но я и не думала, что настолько.*

Сол раскинул руки, будто обнимая огромный лабиринт гнезд, переходов, площадок и коконов, что простирался вокруг.

– Узрите величие Древесного Племени!

Первыми последовали его примеру дозорные – тоже расставили руки, стоя лицом к западу, где садилось солнце. Затем и люди внизу раскрыли ладони и подняли взоры навстречу последним закатным лучам, что отражались в гладких поверхностях зеркал, наполняя Племя горячей жизненной силой.

Маэва вместе с Племенем открылась навстречу жизни. Древние сосны слегка покачивались, будто ликуя с ней заодно, и гирлянды из бисера, костяшек и самоцветов, сделанные мастерами Племени, поблескивали на солнце. Деревья-великаны тоже праздновали приход новой жизни. «Никогда не видела ничего прекрасней!» – подумала Маэва.

– Ловите прощальные лучи Солнца! Оно – наше спасение, источник жизни! Пусть Древесное Племя впитывает их вместе со мной! – Голос Сола словно вобрал силу солнца, и люди Племени, все как один, приняли в себя свет, отраженный и приумноженный зеркалами.

Маэва зачарованно наблюдала сверху за Племенем. Меж тем взгляд Сола был прикован к заходящему солнцу. Глаза его поймали последний отблеск и изменили цвет: из мшисто-зеленых, как у всех его сородичей, сделались золотыми, засияли, едва Жрец стал наполняться силой солнца. Радостно посмеиваясь, Сол шире распахнул объятия, и солнечный свет быстрее заструился по жилам, а на золотистой коже проступили филигранные узоры в виде листьев священного папоротника.

Маэва нагнулась, приласкала Фортину и тоже впиалась жадным взглядом в солнечный диск, раскрыв солнцу объятия. Она с детства привыкла впитывать живительную силу светила – каждый день на восходе и на закате солнечные потоки улавливали зеркала, стеклышки и бусины, распространяя на Племя защитный покров. Но уже больше трех зим Маэва не поднималась над куполом леса и успела отвыкнуть от яркого света. Сейчас она наслаждалась, чувствуя, как ее тело наливается теплом и силой. *Спасибо, спасибо Тебе за то, что Ты привело ко мне Фортину,* – возносила Маэва искреннюю хвалу Солнцу. Глаза ее тоже лучились золотом, и тонкие узоры – листья священного папоротника, отметины солнца – вырисовывались на коже. Маэва глянула на щенка, и щемящая радость пронзила ее с новой силой. В глазах Фортины также играли золотые лучи – верный знак того, что она избрана, что отныне они навсегда связаны узами солнца и любви.

– Возле Канала беспокойно! – вдруг раздался звучный голос. – К югу от моста, на краю болота.

– Вижу! – отозвался другой голос, звучавший тише, издалека. – Похоже, крупный самец тащит двух самок.

Вздвогнув от неожиданности, Маэва метнула взгляд на Сола. Тот отдал краткую команду: «Остановить!» – не отводя глаз от заходящего солнца. Этого и не требовалось, понимала Маэва. Дозорные поступят так, как их учили. Таков порядок в Племени. Всякое действие должно иметь цель. Действуя во благо Племени, каждый заботится и о своем благе. Маэва знала, что это не пустые слова, ощущала заложенную в них правду сердцем и душой, каждой клеточкой. Она прервала ритуал не потому, что сомневалась в надежности дозорных, а чтобы полюбоваться уверенностью, с которой они исполняют свой долг.

На вышке справа, ниже по склону, Маэва уловила движение. Она улыбнулась, когда дозорный вскинул изящный арбалет, вставил стрелу, прицелился. Проследив за его взглядом, Маэва заметила, как из золотистых вод Канала показались три фигуры. Плавно, без малейшего усилия, дозорный выпустил три стрелы, одну за одной. *Фьюить! Фьюить! Фьюить!* Беглецы



друг за другом повалились как подкошенные. Сперва высокий, следом двое пониже рухнули в густую зеленую траву на берегу Канала, будто исполняя замысловатый танец, а под занавес целуя землю в глубоком поклоне.

– Минус три землерыла! – доложил дозорный. – Доставить их сюда?

Сол отозвался, по-прежнему глядя на солнце:

– Не стану рисковать жизнью Псобрата перед самой темнотой. Если они еще живы, то до рассвета наверняка не протянут. Да подарит им Солнце легкую смерть.

Дозорный, отдав честь Солу, опять начал вглядываться вдаль.

Маэва вновь обратила лицо к солнцу, а Жрец произнес вполголоса:

– Их побегі лишний раз доказывают: одомашнивать их бесполезно.

Маэва изумленно взглянула на него:

– Одомашнивать? Землерылов? Не слыхала раньше в Племені столь безумных речей.

Сол покачал головой. Когда он вновь заговорил, Маэва удивилась, уловив в его голосе усталость и печаль.

– В Племені таких речей не ведут, но я задумываюсь порой о землерылах. Их жизнь представляется полной ужаса, и у меня беспокойно на душе.

– Сол, мы же о них печемся, придаем их существованию смысл, оберегаем, даже от них самих. Но они настолько глупы, настолько примитивны, что бегут от нашей заботы, прямо навстречу смерти. Да еще на закате! Они же знают, что ждет их с приходом ночи! Что поделаешь с подобными существами?

И когда Маэва думала, что уже не услышит ответа Жреца, прохладный вечерний ветерок донес шепот Сола, будто бы никому не адресованный: *Да, что поделать с подобными существами?..*

## 6

– Она сделала выбор! Сделала выбор! Еще один из нас обрел спутника!

Ник выронил резец, которым завершал узор на ложе арбалета, и едва не поранил ногу.

– Николас, сосредоточься! Несмотря ни на что. Неважно, что творится вокруг. Никогда, никогда не отвлекайся, если у тебя в руках резец. Ты это прекрасно знаешь, я не должен тебе напоминать! – Старик-резчик нахмурился, а небольшой жилистый пес, что терся рядом, поднял серую морду и смерил Ника взглядом, полным презрения.

Ник приготовился возразить – подумавшись, резец случайно выскользнул из рук, пустяки! Но взгляд его упал на ногу старика, всю в бинтах. Ник слишком хорошо представлял, что таится под пропитанной мазью повязкой, и оставил оправдания при себе.

Случайно ли, нет – не все ли равно? Если нож повредит кожу, конец один: парша и смертный приговор, без надежды на исцеление. Ник, почувствовав осуждающий взгляд старика, отвел глаза и кивнул.

– Да, все верно, Мастер. Впредь буду осторожнее.

Резчик что-то бурчал в ответ, когда в дверь гнезда-мастерской заглянул О'Брайен.

– Кузен! Чем ты тут занят – сидишь как пень? – Веселый паренек кивнул Резчику почти-тельно, но чуть запоздало. – Простите, Мастер, что помешал, но последняя в выводке самочка сделала выбор!

– Да, слышали, – ответил Резчик и добавил тоном, не оставлявшим сомнений, что даже он, старик, не в силах сдержать любопытства: – Выбрать-то она выбрала, но кто же новый спутник?

– Новый не новый, но теперь дважды спутник! – О'Брайен хитро улыбнулся. – Щенок выбрал Маэву.

– Маэву? Уже три зимы как она потеряла свою Тарин. – Резчик был удивлен и обрадован. – Вот хорошо-то, вот хорошо! Рад за нее. Это страшное горе, лишиться спутника. – Он глянул на пса, прильнувшего к нему, и ласково потрепал ему уши.

Сбитый с толку, не замечая радости старика и его пса, Ник скорчил кислую мину и брякнул:

– Маэву? Овчарка-самочка выбрала Маэву? Она же старуха!

– А ты сейчас рассуждаешь как желторотый юнец, а не как зрелый мужчина, коим ты громогласно себя объявляешь, – отрезал старик.

– Никому не в обиду будет сказано, – поправился Ник, – только наверняка не я один удивлен, что щенок-Вожак избрал в спутницы ту, чья жизнь клонится к закату.

– Ник не хотел сказать... – вмешался О'Брайен, но Резчик перебил:

– Пусть Ник лучше сам объяснит, что он хотел и чего не хотел сказать.

Ник неопределенно махнул рукой.

– Тут и объяснять нечего. Сколько прожила Маэва – пятьдесят с лишним зим? Споры нет, у нее дар ухаживать за священными папоротниками, и голос по-прежнему звонок и чист, но не пора ли ей уступить дорогу молодым? Столько молодых ждут своей очереди в спутники и Вожаки, а теперь, когда щенок-Вожак выбрал Маэву, ни у кого нет надежды занять ее место еще с десятков-другой зим. К тому же собака наверняка ее переживет – а значит, Племени придется расхлебывать кашу, что заварил Маэва.

– Под словом «каша» ты подразумеваешь убитую горем собаку? – спросил Резчик притворно любезным тоном.

– Да, но не только это: священные папоротники лишатся опытной Садовницы, а роже-ницы – Повитухи, а учеников она после себя не оставит, слишком будет занята ролью Вожака, хотя ей давно пора на покой, в Наставники.

– И все-таки щенок выбрал Маэву.

– И все равно, по-моему, неправильно это, – настаивал Ник. – И не подумайте, это не черствость, а всего лишь здравый смысл.

– Здравый смысл? Знаешь ли ты, Николас, сколько раз меня выбирали в спутники? – неожиданно спросил старик.

– Нет, не знаю, – растерялся Ник.

– Два? – предположил О’Брайен.

– Паладин – моя третья собака.

– Третья?! – О’Брайен с улыбкой глянул на терьера, а тот в ответ завилял хвостом. – Вот так чудо!

– Да, но среди твоих собак – ни одной овчарки. Ни одного Вожака, – отозвался Ник поспешно, будто машинально.

– По-твоему, связь наша от этого менее глубока? – Резчик буравил Ника взглядом зеленых, как мох, глаз. – По-твоему, наша общая жизнь менее ценна оттого, что собаки мои – не овчарки, не Вожаки? – Рука его, до этого мирно покоившаяся на макушке Паладина, с такой силой хлопнула по верстаку, что неоконченные детали подпрыгнули. – Не будь терьеров, не было бы Охотников. Не будь Охотников, собаки-Вожаки и их спутники умерли бы с голоду – и чего бы тогда стоили твои здравые рассуждения о превосходстве и пользе?

– *«Всякое действие должно иметь цель. Заботясь о благе Племени, каждый заботится и о собственном благе»*, – невозмутимо напомнил О’Брайен, пытаясь разрядить напряжение, повисшее между стариком и его чересчур прямодушным кузеном.

Ник и Резчик будто не слышали.

– Я совсем не о том говорил. Я не утверждал, что вы с Паладином менее ценны. – В голосе Ника слышалось не столько раскаяние, сколько досада. – Я всего лишь забочусь о благе Племени.

– Лару – вторая по счету собака, что выбрала твоего отца, – заметил Резчик.

– Это всем известно, – сказал Ник.

– А сколько твоему отцу было зим, когда его выбрал Лару?

Ник нахмурился, уловив намек старика.

– Ему минуло сорок семь зим, когда его выбрал Лару. И это тоже для Племени не секрет.

– Верно, и даже я, старый и немощный, хорошо помню, как семь лет назад Лару выбрал твоего отца. Ты тогда ликовал вместе с Племенем, разве нет?

– Да, но отец дело иное. Он и тогда был нашим Жрецом Солнца, как и сейчас. Он нужен Племени, и нет причин ему уходить на покой, разве что... – Ник осекся, сообразив, что старик хочет вытянуть у него признание.

– Ну же, говори. Разве что?..

Ник глубоко вздохнул. Нет, не добьется старый хрыч, чтобы он подтвердил вслух то, о чем судачит все Племя – что единственный сын всеми любимого Сола, которого тот растил как своего преемника и в ком почти все видели будущего Жреца Солнца, не сможет прийти на смену отцу, потому что его не выбрала в спутники овчарка. Его вообще до сих пор не выбрала в спутники ни одна собака. Вот все и ждут – и сам Ник, и Племя: то ли у Ника наконец появится спутник, то ли Сол воспитает себе другого преемника. Но вместо того, чтобы признать постыдную правду, Ник сухо ответил:

– Я всего лишь хотел сказать, что у отца впереди еще много зим, прежде чем преемник, кто бы он ни был, займет его место. Может быть, ты и прав, Мастер, не стоило мне судить Маэву за ее почтенный возраст. – Ник небрежно повел плечами, будто отмахиваясь.

– Ник совершенно прав, его отец крепок для своих лет, – как всегда, подоспел на выручку кузену О’Брайен. – Всякий желает своему отцу долгих лет, и Ник не исключение!

Резчик, будто не слыша О’Брайена, испытующе глядел на Ника.

– Напомни мне, сын Сола, сколько минуло тебе зим?

Тот, сощурившись, глянул на старика: к чему столь неожиданный вопрос? Наверное, Резчика надо пожалеть. Взгляд его снова упал на изувеченную ногу старика. Может быть, вместе со здоровьем его подводит и память.

– Мне двадцать три зимы, Мастер, – ответил он со всей почтительностью.

– Теперь напомни, в каком возрасте обычно обретают спутника?

Ника будто ударили под дых, но он, не подав виду, лишь машинально повторил то, что известно всему Древесному Племеню:

– Обычно собаки выбирают в спутники тех, кому от восемнадцати зим до двадцати одной.

– Верно. Так и есть. – Острый взгляд старика пригвоздил Ника к месту. – А ты, сын Сола, нашего Жреца Солнца, чей пес дал жизнь недавнему, шестому по счету выводку овчарок – ты встретил двадцать третью зиму, и у тебя до сих пор нет спутника.

– Никто не знает, почему собаки выбирают того или иного человека, – ответил Ник, злясь на себя за обиду и отчаяние в голосе.

– Да, нам неизвестно, почему собаки выбирают одних, зато хорошо известно, почему не выбирают других.

– Не всегда! – Ник едва не кричал от гнева. – Моя мать была лучшей художницей Племени. Умница, красавица, всеобщая любимица – и всю жизнь прожила без собаки-спутника.

– Да, но разъедало ли это ей душу, как разъедает твою?

– Ты был ее любимым наставником. Ответ ты знаешь не хуже меня, Мастер. Будь жива моя мать, она сочла бы этот вопрос недостойным тебя.

– Уверен, сочла бы. И уверен, у нее нашлись бы нужные слова и для тебя, Николас – и слова не слишком-то лестные. – Измученный спором, старый резчик обмяк, поглаживая терьера, который забрался к нему на колени. – Выбросьте из головы мое старческое брюзжанье, молодые люди. Николас, ты свободен, ждем тебя на пиру.

– Пойдем, Ник! Солнце садится. Упустим последние лучи, а ведь сегодня праздник. Народу будет много до неприличия. Поторопимся, а то все самые удобные насесты позанимают. – О’Брайен поклонился Резчику. – Мастер, вам помочь дойти до праздничной площадки?

– Не надо, мой юный друг. Помощник у меня и так есть, Паладин. Пойдем за вами следом – потихоньку-полегоньку. – Острый взгляд его остановился на Нике. – Николас, завтра приходить не нужно.

Юноша сдвинул брови и невольно потянулся к арбалету, над которым трудился, погладил изысканный узор, который так и не успел закончить. – Мастер, ложе не готова.

– Ложе подождет.

– Так когда мне прийти – послезавтра?

– Может быть. А может быть, и нет. Жди, когда я тебя вызову. Когда сочту, что ты готов продолжить учение, пришлю за тобой Паладина, – отвечал старик.

У Ника запылали щеки. Неужто старик решил проучить его за излишнюю прямооту?

– Так я должен сидеть сложа руки и ждать вызова? Будто я новичок, а не опытный резчик?

– Слушайся меня, Николас. И никто не ставит под сомнение твоё мастерство – в ремесле резчика ты достиг высот, как и в стрельбе. Лишь твои человеческие качества вызывают сомнения. Надеюсь, передышка в обязанностях резчика дать возможность тебе измениться в лучшую сторону.

Ник в бессильной ярости сжал кулаки. Не будь Резчик вчетверо его старше и одной ногой в могиле, Ник заставил бы его ответить за грубость.

– Пошли, братец, нам давно пора, – торопил его О’Брайен.

– Ты прав, кузен. – Ник повернулся спиной к старику и его серому терьеру. – Я только и жду, чтобы уйти.

\* \* \*

Знакомое веселье, царившее в Племени после выбора, тайло для Ника привкус грусти, хоть тяжело было не праздновать со всеми. Еще один Псобрат обрел спутника. Избран Вожак – а значит, Племя по-прежнему благоденствует. Пятерых щенят принесла овчарка, все пятеро выжили, и вот им уже скоро полгода. И четверо из пяти уже обзавелись спутниками. Лару, спутник его отца, производит на свет крепкое, смышленное потомство – верный знак, что Солнце благоволит к Древесному Племени. Ник еще больше уверился в силе своего народа. Но при этом Ник скоро встретит двадцать четвертую зиму, и до сих пор ни один щенок – ни овчарка, ни терьер – во время выбора не удостоил его и взглядом.

– Прав был старик.

– А? – переспросил О'Брайен сквозь громкий смех и шум пирушки. Из удобной развилки в ветвях могучей сосны он достал деревянный кувшин. – Еще пивка?

– Я бы не прочь. – Ник протянул едва початую кружку.

О'Брайен, сидевший в небольшом гамаке, ухватился за ближнюю ветку, подобрался поближе к Нику и до краев наполнил его кружку пенным, кисловатым весенним пивом.

– Мало ли что наболтал Старший Резчик, не бери в голову. Знаешь ведь, он слегка не в себе.

Ник, избегая сочувственного взгляда кузена, повторил:

– Прав был старик. Мое время, чтобы обрести спутника, уже ушло. Значит, есть во мне какой-то изъян.

– Чушь тараканья, сам понимаешь. Нет в тебе никакого изъяна.

– Так почему ж меня до сих пор никто не выбрал? Вон, Маэве на старости лет во второй раз выпало счастье. – Ник указал подбородком в сторону кучки людей вокруг Маэвы, что восседала с Фортиной на почетном месте возле его отца. – А я сижу тут, лапу сосу.

О'Брайен ухмыльнулся.

– Ну и лапа у тебя, с пивную кружку размером! Немудрено, что девчонки-красотки меня всерьез не принимают – мне их и облапить-то нечем!

– Я не шучу, – помрачнел Ник.

– Братишка, а тебе не приходило в голову, что тебя до сих пор не выбрали, потому что не родился еще спутник, достойный тебя?

Ник собирался было ответить, но отвлекся, увидев, как толстый щенок-мальчик уверенной рысцой шествует сквозь толпу к сестре, что уютно устроилась рядом с Маэвой. Он потерся носом о нос Фортины, ласково лизнул протянутую руку Маэвы и тоже улегся рядом. Уткнул мордочку в лапы, зевнул и, прежде чем закрыть глаза, обвел взглядом площадку. Янтарные глаза щенка безошибочно отыскали Ника. У Ника перехватило дыхание. Щенок все смотрел на него – долго-долго, не отрываясь. А потом не спеша закрыл глаза и уснул.

Ник сглотнул.

– Красавец-щенок, – похвалил О'Брайен.

Ник в ответ лишь кивнул – язык отказывался ему повиноваться.

– Слышал я, как твой отец говорил с одним из Опекунов. Он сказал, что этот щенок даже еще крупнее и сильнее, чем Лару в его возрасте. И что в спутники он выберет прирожденного Вожака.

Ник хлебнул пива, утер пену с губ.

– При мне он это же говорил.

– Ник, у щенка пока нет спутника, а ему уже почти полгода, время выбирать. Может, он выберет тебя, – сказал О'Брайен тихо, задумчиво, так, чтобы слышал только Ник.

Из горла Ника вырвался то ли смех, то ли всхлип, он хотел сказать: «Я все бы отдал – все бы на свете отдал – лишь бы он выбрал меня», – но его прервал рокот барабанов, подобный радостному стуку сердца.

Расступилась толпа вокруг подвесного моста, ведущего к площадке, и перед Солом и Маэвой предстала Сказительница; полы ее плаща из кроличьих шкурок развевались. Рядом с ней выступал ее спутник – могучая овчарка; за мускулистую шею и грудь пса прозвали Медведем, и кличка так прижилась, что даже сама Сказительница не называла его никак иначе. Они остановились перед почетным местом и в знак приветствия кивнули отцу Ника.

– Сегодня благословенный день, Жрец Солнца. – Даже эти нехитрые слова в устах Сказительницы звучали торжественно. Голос ее разносился по площадке, взлетал к куполу из гигантских сосен, проникал, подобно зимнему туману, во все потаенные уголки, в каждое гнездо, в каждый кокон.

Сол тепло улыбнулся.

– Верно, Ралина. Есть ли у тебя в запасе новый сказ, что увенчал бы сегодняшний день?

– Может быть, новый. А может, и не новый, – отозвалась Ралина. – Ты знаешь, Сол, каков наш обычай. Сегодня сказ должна выбрать новоявленная спутница. – Она указала на Маэву своими изумрудными глазами. – Да благословит Солнце ваш союз с Фортиной, – добавила она с искренней теплотой.

– Спасибо, Ралина. Этот день увенчался неожиданным чудом. – Маэва с нежностью погладила Фортину, спавшую рядом.

– Итак, дорогой мой друг, какую историю ты бы хотела услышать?

Маэва ответила не раздумывая:

– Сказ о концах и началах.

По толпе собравшихся пролетело одобрительное шушуканье – как шелест ветерка в сосновых ветвях. Один Ник с трудом подавил зевоту.

– Ты что? – шепнул О’Брайен.

– Опять это старье! Нет бы попросила новую историю, над которой работает сейчас Ралина!

О’Брайен пожал плечами.

– Традиции для Маэвы – святое. И история хоть и стара как мир, зато хороша. – Вот выберут тебя...

Но дружеская речь О’Брайена оборвалась на полуслове, потому что Ралина уже заняла место возле самого большого из металлических светильников, что окружали священные сосны с их драгоценным грузом, священными папоротниками. Племя притихло в ожидании. Широким жестом Ралина скинула плащ, и огни светильников вдруг ярко вспыхнули. Из солнечно-желтых они превратились в таинственные зеленовато-голубые. Все ахнули, до того хороша была Ралина. Под плащом она носила простое вязаное платье, золотисто-желтое, под цвет ее густых волос. Наряд был заботливо расшит радужным бисером, зеркальцами, ракушками, и все они мелодично позвякивали в такт ее рассказу.

Даже Ник, знавший историю наизусть, и тот поддался чарам Сказительницы.

– Так слушайте же Сказ о концах и началах. – Свои слова Ралина подчеркивала жестами, и бахрома, ниспадавшая с ее рукавов, трепетала при каждом движении. – Давным-давно мир был куда теснее, чем сейчас. Селились люди по всей поверхности нашей зеленой Земли; из камня, стекла и железа возводили города, соединяли асфальтовыми лабиринтами. И не росли лабиринты, не дышали, не жили.

Ралина незаметно подошла к ближайшей сосне, погладила кору.

– В небрежении пребывали деревья, без заботы, без защиты. Не ведали люди, что деревья тоже дышат, не думали люди, что стремятся они расти. Лишь одна была у людей забота – один идол – одно божество – лживое, бездушное, и имя ему было *технология*. – Быстрыми, уверен-

ными шагами Ралина закружилась по площадке. – Вращалась Земля. Зимы сменяли зимы, и жили люди без особых забот. Служили бездушному и лживому божеству и утверждали свою власть над миром. – Ралина остановилась на прежнем месте, перед самым большим светильником, и обратила взгляд на восток, будто сквозь густые ветви ей был виден далекий темный горизонт. – Но люди не были властны над Солнцем!

– Над Солнцем! – вторило Племя.

Сказительница улыбнулась, и руки ее вновь задвигались, будто плели прихотливый узор.

– Началось с малого. Солнце извергало недовольство, подавало знаки, посылало свои могучие лучи, сокрушая плоды технологии. Сначала лучи силы испепелили рукотворные спутники, что вращались вокруг Земли – далеко отсюда, но ближе, чем Солнце. Вняли люди предостережению Солнца?

– Нет! – в один голос отозвалось Племя.

– Нет, не вняли, – подтвердила Ралина. – И тогда Солнце, наш неусыпный страж, направило на людей новые лучи гнева, и было уничтожено то, что зовется электричеством. Вняли люди предупреждению Солнца?

– Нет! – откликнулось Племя.

Голос Ралины долетал будто издалека; казалось, история захватила ее целиком и разворачивалась уже без ее участия.

– И Солнце извергало свой гнев на людей снова и снова – дни следовали друг за другом, один другого страшнее – и наконец было уничтожено все. Все! И технология, и то, что ее питало. Неистовым огнем пылало все лживое и бездушное. – Племя молча слушало, и голос Сказительницы отзывался в каждом. Ралина широко раскинула руки. – Но нашему Солнцу было мало, ведь люди так и не вняли угрозам. Едва они кинулись восстанавливать свою лживую, бездушную технологию, Солнце послало последнее предупреждение, столь жгучее, слепящее, полное праведного гнева, что изменился сам небосвод над нами и земля под нами.

Ралина замерла.

– Воздух стал горяч и разрежен. Гибли люди, гибли звери. И, скорбя по всему живому, содрогнулась земля, будто от рыданий. Почти вся суша ушла под воду, в глубины океана, прячась от гнева Солнца и таща за собой непокорных.

Сказительница склонила голову, и голос ее был полон скорби.

– Города погрузились в хаос. Хаос нес смерть. Из этой смерти родилась новая угроза. Ничтожнейшие из созданий – некогда мелкие ползучие твари – жуки, пауки, докучливые тараканы – взяли власть над людьми.

Племя содрогнулось. Даже Ник мельком оглянулся, будто Ралина силой голоса могла вызвать из темноты ползучих опасных тварей.

– Прекрасные, полезные создания, что населяли землю, гибли, выживали лишь хищники и паразиты – самые ничтожные, самые отвратительные. – Ралина умолкла и стала босыми ногами медленно, плавно отбивать такт. Раз, два, три – раз, два, три – стук, стук, стук. Браслеты из ракушек и старинных монет на ее щиколотках позвякивали при каждом шаге, а платье при свете светильника искрилось живыми огоньками. Ее чарующий голос стал еще напевней, из сказа рождалась песня.

*Но прежде чем все погибло,  
Все погибло,  
Из конца родилось начало,  
Родилось начало.  
Ибо не все были глухи,  
Не все были глухи.  
И оставили люди бездушные города,*

*Бездушные города,  
К живой зелени  
Устремились,  
И в лес потянулись,  
И в лес потянулись!*

Ноги Ралины все еще выбивали мелодию, но она уже не покачивалась, и голос вновь изменился, стал тих и печален.

– Нелегко было людям, что лишь недавно поклонялись лживому и бездушному, устраивать жизнь на новый лад. – Ралина склонила голову. – Вначале пытались они жить по-старому – строить жилища на лесной подстилке. И при свете дня все радовало глаз. Деревья давали людям воздух, защищали от гнева Солнца. Но новый мир ширился и менялся, и с каждой ночью ужасы множились, наполняя тревогой людей.

Вначале пришли жуки – хищные жуки – все круша жвалами-лезвиями. Следом подтянулись пауки – волкопауки-охотники – раскидывая паутину, как рыболовы сети. И наконец тараканы – ненасытные тараканы – вдесятеро крупнее обычных. Они собирались в стаи и облепляли все, на что наткнулись после захода солнца, и все им было мало, все мало.

Ралина вскинула голову.

– Но люди не унывали. Наконец, наконец обратили они взоры на деревья!

Все слушали затаив дыхание, кивали, перешептывались.

– Пришла первая зима, и многие, многие умерли. Но те, кто выжил – первое выжившее Племя – заново постигли, с радостью открыли жизнь, когда-то утраченную людьми, обожествлявшими технологию. – Ралина повернулась и легким взмахом руки подбросила пригоршню трав в ближнюю жаровню, и снова взвилось к небу иссиня-зеленое пламя. – Цвет Племени – самые сильные, храбрые, мудрые – поселились на вершинах деревьев. Там жили они не только с отцами и матерями, сыновьями и дочерьми. Лучшие люди Племени взяли на деревья собак.

Ралина опустила на колени перед своим могучим широкогрудым псом и продолжала рассказ будто бы для него одного. Пес бил хвостом по дощатому настилу и взирал на свою спутницу с беспредельным обожанием.

Ник сел поудобнее, начисто позабыв о своей досаде, что придется слушать старую историю, когда рассказчица подошла к его любимому месту.

*Многие роптали,  
Многие жаждали перемен.  
«Если собак не прогоните,  
Прочь убирайтесь – всех не прокормим!»  
Отказалось первое Племя.  
Были и так велики их потери —  
Не могли они принести в жертву  
Самое дорогое.  
И покинув братьев, в дебри лесные они углубились,  
Все дальше от прошлого – хаоса, смерти, развалин.  
И взбирались они, первое Племя и их собаки, все выше и выше.*

По-прежнему стоя на коленях перед своим спутником, Ралина плавно, грациозно поводила руками.

*Зима наступила, со снегом, морозом и тьмою.  
Беззащитно было первое Племя*



*перед зимой беспощадной.  
Плакали люди в отчаянии: нет нам надежды!*

Руки Ралины теперь ласкали морду Медведя с бесконечной нежностью, разглаживали густой лоснящийся мех.

*К спасению путь им открыла собака.  
Меж ветвей шести сосен-стражей, сросшихся в форме сердца,  
Увидел щенок овчарки папоротник, раскрывший листья пред ним,  
будто навстречу солнцу.  
Свернулся щенок среди листьев,  
Где не страшны ни дождь, ни враги, ни холод.  
И со щенком угнездились Племя  
Средь листьев священных, ласковых и густых.  
И пережив зиму, поняло первое Племя,  
Что за сокровище им открыла овчарка.*

Ралина снова поднялась, обращаясь к Племени. От нее будто исходил свет.

*Защиту в листьях зеленых открыли они.  
Красоту в листьях зеленых открыли они.  
Силу в листьях зеленых открыли они.  
Папоротник священный открыли они!*

Племя, не в силах сдержать радость, подхватило:

– Папоротник священный открыли они!

Ралина простерла вверх тонкие руки. Ночной ветерок покачивал деревья, мерцало в лучах полной луны платье Ралины, и Нику она казалась похожей на стройную молодую сосенку, что тянулась к ласковому лунному свету.

– Когда пробудила весна первое Племя и дни из темных стали светлыми и ясными, поняли люди, что за чудо даровало Солнце им и собакам. – Ралина порхнула к священным соснам, на ветвях которых покоились священные папоротники с широкими, сочными, будто посеребренными листьями. И стала напевать, лаская большой лист, как только что ласкала своего спутника.

*Ты и Племя теперь едины.  
В нас проросли твои споры,  
Преобразив нас, навеки связав нас.  
Теперь мы Псобратья, Солнца любимые дети, Древесное Племя.*

Племя гудело, подхватив знакомые строки, но тут О'Брайен легонько толкнул Ника в бок и шепнул:

– Эй, глянь на щенка!

Ник увидел, что щенок проснулся и ковыляет прямо к нему! Волосы у Ника встали дыбом, радостная дрожь пробежала по телу, когда щенок приблизился к нему, сел прямо напротив и уставился в ожидании.

## 7

– Чтоб меня жуки съели! Да неужто он тебя выбирает? – прошептал О’Брайен.

Ник не шевелился, не отводя взгляда от умных янтарных щенячьих глаз, не отвечая О’Брайену, чтобы не развеять чары, не спугнуть волшебство.

– Эй, малыш! Я вернулся. – За спиной у Ника вдруг вырос Опекун; слегка пошатываясь, он тяжело опирался рукой о ствол. – Опять пора вниз?

С приходом Опекуна щенок перенес на свое внимание на него и, нетерпеливо помахивая хвостом, тихонько вякнул.

Ник глотнул воздуха, лишь теперь осознав, что все это время не дышал, стараясь не нарушить тишину. Взгляд его, больше не занятый щенком, невольно скользнул к другому краю площадки, где на почетном месте сидел отец. Сол наблюдал за сыном так внимательно, что позабыл следить за своим лицом, и Ник увидел, как оно отразило сменявшие друг друга чувства – ожидание, грусть, разочарование и наконец, в итоге, жалость.

Жгучий стыд пронзил Ника, и он поспешно отвернулся из страха, что все Племя смотрит на него глазами отца.

– Верно, малыш, зря я тебе разрешил столько пить на ночь, но ведь праздник же! – Опекун пошатывался и икал, от него разлило зельем покрепче весеннего пива.

Стараясь не выдать своей досады, Ник кивнул и сказал:

– Да, он сюда только что пришел, явно искал тебя.

Опекун вздохнул, глядя на щенка мутным взором.

– Может, потерпишь, пока Ралина закончит сказ?

– Я его выведу, – неожиданно вызвался Ник.

– Стоит ли, Ник? Солнце давно село, – засомневался О’Брайен.

– Ну подумай, братец, идем облегчиться – только спустимся с площадки, и сразу обратно. Мы же не на пикник собрались! – возразил Ник.

– Верно! Ничего страшного. Совершенно ничего, – проямлил Опекун. – Щенок умница – самый смысленный и крупный во всем помете. В темноте он никогда не выходит из круга света факела.

– Может, я с тобой? – предложил О’Брайен.

Ник бегло оглядел его с головы до пят. О’Брайен осушал второй кувшин пива.

– Не нужно, – поспешно отозвался Ник. – Свою его – и назад, успею еще послушать Ралину – как детей стали пеленать в листья папоротника.

Опекун дружески хлопнул Ника по плечу.

– Молодчина, Ник! А я тебе местечко погрею, пока ты ходишь туда-сюда. Отсюда-то лучше видно, чем из-за твоей спины! – Не дожидаясь ответа, он сел – скорее упал – на место Ника, едва тот поднялся.

– Конечно, – отозвался Ник и протянул Опекуну почти нетронутую кружку пива. – И кружку заодно для меня погреешь. – В ответ на смущенный взгляд Опекуна Ник с улыбкой добавил: – Да пей, не стесняйся!

– Ну, спасибо, Ник! Я всегда говорил, хороший ты парень, и неважно, есть ли у тебя спутник. Вот, держи на всякий случай. Знаешь ли, осторожность никогда не повредит. – Он протянул Нику заряженный арбалет.

– Стрела-то всего одна! – вскинулся О’Брайен.

– Хорошему стрелку довольно и одной, а Ник стрелок отменный. Малыш, иди с ним! – скомандовал Опекун щенку, указав на Ника.

Ник, привычный к оружию, взял арбалет поудобнее и похлопал себя по ноге, подзывая щенка. Сквозь густую толпу он пробирался как можно быстрее и тише; щенок послушно следовал за ним по пятам, а Ник старался не замечать любопытных взглядов в их сторону.

Вскоре они добрались до извилистых проходов, которые тянулись, словно спицы гигантского колеса, от священных деревьев к лабиринту мостов вокруг жилищ Племени, и, едва очутившись подальше от назойливых взглядов, Ник позволил себе хоть ненадолго расслабиться и порадоваться каждой минуте наедине со щенком.

– Красавец ты, спору нет, – обратился он к овчарке, трусившей рядом, и та подняла мордочку и улыбнулась по-щенячьи, вывалив язык. Ник улыбнулся в ответ. – И, к тому же, умный пес. – «Выбери меня, пожалуйста!» – добавил он мысленно. Ни за что не выскажет он вслух свою немую мольбу. Что толку обращаться к щенку? Спутника он выберет, как велит инстинкт, навязать ему выбор невозможно... но вдруг кто-нибудь услышит, как он просит – горячо, настойчиво, униженно – о том, чему, быть может, не суждено сбыться? Ник покачал головой. «Не стану говорить – ни за что. Довольно и того, что все об этом шепчутся за моей спиной».

Щенок тявкнул, завопил у его ног.

– Ох, прости, дружок, – спохватился Ник, поняв, что дошел до подъемника да так и стоит, разговаривая сам с собой. – Дурак я, дурак, моховая башка! Немудрено, что ты меня не выбрал. – Ник сокрушенно вздохнул, потрепал щенка по шерсти, черной, как соболя, и дважды стукнул ложем арбалета в дверь гнезда, ближайшего к подъемнику.

– Надо спуститься, вывести щенка! – крикнул он.

Дверь сразу отворилась, и выскочил молодой терьер, радостно приветствуя щенка, а следом вышел стройный паренек, утирая с подбородка жир от жаркого. Взгляд его скользнул со щенка на Ника, и паренек так и засиял.

– Ник! Самый крупный щенок сделал выбор?..

– Да, сделал выбор – выпить на ночь море воды. А его Опекун тоже сделал выбор напиться, да только не воды, а кое-чего покрепче, – прервал его Ник с тихим смешком, словно ни о чем таком он не думал, просто выводит пса облегчиться. – А у меня сегодня пиво не лезет в глотку, вот я и вызвался вместо него. Спустишь нас, Дэвис? – Ник указал на дверцу подъемника.

– Что за вопрос! – Дэвис выбежал из гнезда и подскочил к ручке массивного подъемного механизма, с помощью которого люди Племени и их спутники-собаки спускались на землю и возвращались обратно, на высоту пятидесяти с лишним футов. – Всегда пожалуйста! – Дэвис обратился к терьеру, рвавшемуся вслед за щенком в квадратную деревянную клеть подъемника: – А ты дома остаешься, Кэмерон. Ты свою первую зиму уже встретил. Потерпи до рассвета, не маленький.

– Отпусти и Кэмми с нами, я не против. – Ник наклонился, потрепал большие пшеничные уши терьера. – Поможет мне смотреть за щенком.

– Ладно, только побыстрее. Солнце давно закатилось, не мне тебе объяснять, чем это грозит. – Дэвис протянул Нику зажженный факел.

Ник кивнул и, помрачнев, стал запирать дверь клетки на задвижку.

– Недаром у меня с собой вот это. – Он помахал в воздухе арбалетом Опекуна.

– Надеюсь, он тебе не пригодится, и все-таки хорошо, что ты его прихватил, – сказал Дэвис и хмуро добавил: – Вот что, не знаю, слышал ты или нет, но кое-кому из нас, Охотников, в последнее время попадаются нехорошие знаки.

Ник слегка опешил. Нет, не слышал он ни о чем таком – все в лесу как обычно, те же хищные насекомые, ядовитые растения да дикари-полулюди.

– Нехорошие знаки?

Дэвис замялся.

- Я должен молчать. Тадеус велел держать язык за зубами.
- Не волнуйся, никому не скажу. Что еще за нехорошие знаки? – По спине у Ника пробежал холодок.
- Я нашел оленя. С наполовину содранной шкурой.
- Кто-то разбрасывается столь ценной добычей? Да, странно.
- Не то слово «странно»! Когда я нашел оленя, он был еще жив.
- Что?
- У него были срезаны полоски кожи, а других повреждений не было.
- Свежеватели! Зачем вы охотились так близко к Городу?
- Да нет, Ник. К Городу мы не приближались, и других следов свежевателей рядом не обнаружили. Вот ужас! Честное слово, ужас! – Дэвис умолк, вздрогнул. – Я его добил. Почти сразу. Мы были вдвоем, я и Тадеус, на учебной охоте. Олень выбежал прямо на меня – выскочил откуда ни возьмись на середину тропы. Я в него выстрелил из арбалета, потом перерезал горло. Бедняга был сам не свой от боли, бился, рвался. Кровь забрызгала все кругом, все...
- Дэвис, побледнев, покачал головой. – Когда я перерезал ему сонную артерию, Тадеус стоял рядом, и кровь брызнула ему в лицо, попала в глаза, в рот. Он сказал, что привкус у крови странный, с тухлинкой, аж наизнанку выворачивает.
- Мясо вы брать не стали?
- Разумеется, нет. Видел бы ты беднягу оленя, Ник! Что-то с ним было не так. Похоже, дело серьезное. Мы сложили костер, а тушу сожгли.
- И правильно сделали. Наверное, он был больной, приболудился к самой границе Города-Порта и угодил в лапы свежевателям. Тьфу, тошнит от этих вырожденцев! Думал, хотя бы животных они не трогают, только с людей кожу сдирают – и поедают. – Ник скорчился от омерзения. Дэвис покачал головой.
- Да они полоумные! Что взять с вырожденцев, которые людей живьем свежуют и едят? – Помолчав, он добавил: – Спасибо, что меня выслушал, и спасибо, что тебе можно доверить тайну.
- Да не за что! – Щенок умоляюще тявкнул, потерся о ногу Ника. – Прости, дружок, я все понял. – Ник глянул на Дэвиса сквозь щели между перекладинами клетки. – Не волнуйся, я быстро и осторожно. Сделаем втроем свои дела, и я тебе дам знак – махну факелом.
- И я всех троих живо доставлю наверх. Давайте быстрее!
- Дэвис опустил рычаг, раздался щелчок, лязгнула тяжелая цепь, добытая несколько десятков зим назад на развалинах некогда цветущего, а ныне смертельно опасного города у слияния двух рек. Клеть плавно заскользила вниз, а Ник всматривался в темную чашу, не маячит ли кто там, внизу.
- Нежные серебристые лучи луны почти не проникали сюда; даже в ярчайшее из полнолуний они лишь слегка касались травы под сосновым пологом и не рассеивали мрак, а придавали всему странный зловещий оттенок, будто чаша находилась под толщей воды.
- Подъемник остановился на расчищенном участке земли, поросшем густым мхом. Ник протянул руку сквозь планки клетки и пристроил факел в расщелине бревна, служившего подставкой. Он настороженно огляделся, по спине забегали знакомые мурашки – как всегда, когда он покидал спокойный, мирный город на ветвях.
- Небольшой круг света от факела золотил мох и сосновые иглы у них под ногами. Площадку вокруг подъемника всегда расчищали, но на этот раз Ник заметил в опасной близости к кругу света поваленное дерево.
- Должно быть, вчера в грозу упало. Странно, что до сих пор не убрали, – рассуждал вслух Ник, глядя на бревно и не решаясь открыть дверь клетки.
- Щенок жалобно заскулил, бросаясь на ногу Ника, а Кэмерон пыхтел и игриво покусывал Ника за пятки.

– Ну-ну, – засмеялся Ник. – Понял, вам обоим не терпится. – Он отодвинул защелку, и оба пса выскочили наружу. – Рядом! – произнес он знакомую собакам команду. Терьер тотчас повиновался – подбежал к Нику и, задрав лапу, помочился на подставку для факелов, едва не забрызгав Нику ноги. – Рядом-то рядом, но не настолько! – Усмехаясь, Ник сделал пару шагов в сторону и, не выпуская щенка из виду, развязал пояс, а щенок, повернув к Нику голову, присел, чтобы облегчиться. «Совсем еще малыш», – подумал про себя Ник. – *Может, еще не поздно. Может, он все-таки выберет меня.*

– Ну ладно, теперь домой. – Ник указал арбалетом на клеть подъемника и, чувствуя двойное облегчение, пошел к бревну за факелом и за терьером, что ждал рядом. – Внутрь! – выкрикнул он команду, которую все щенки в Племени усваивали еще сосунками. Кэмерон прыгнул в клеть и устоялся куда-то вдаль, позади Ника, тихонько поскуливая.

Ник обернулся, и у него засосало под ложечкой от дурного предчувствия.

Щенок сидел на прежнем месте, но отвернулся от Ника и вглядывался во мрак, наострив уши, задрав хвост.

– Внутрь, малыш! – скомандовал Ник.

Щенок не спеша повернул голову и встретился глазами с Ником. Ника внезапно захлестнуло волной сильных чувств – радость сменила уверенность и, наконец, сожаление. И вдруг, не успев Ник моргнуть, как щенок рванул в темную бездну, в которую превращался лес с приходом ночи.

– Нет, малыш! Стой! – С факелом в одной руке и арбалетом в другой Ник ринулся за щенком, стараясь держать его в круге света.

Пока Нику это удавалось. Он не выпускал щенка из виду и тогда, когда очутился возле поваленного дерева, которое подрагивало, превращаясь из безобидного бревна в целый рой жуков-убийц, каждый величиной с терьера, тревожно лаявшего поблизости. Жуки нацелили на Ника алые жвалы и с наводящим ужас клацаньем устремились к нему.

– Ко мне, малыш! – крикнул Ник, чью погоню за щенком прервали жуки-убийцы. – Внутрь! – снова скомандовал он, но щенок не остановился, а только прибавил ходу и, даже не оглянувшись на Ника, скрылся в лесу. – Нет! – простонал в отчаянии Ник.

Два гигантских жука отделились от стаи, направлявшейся к Нику, и устремились за щенком. Недолго думая, он бросился им наперерез, но остальные жуки окружили его плотным кольцом, отрезав и от щенка, и от спасительного подъемника.

Ник поднял арбалет, прицелился, чтобы одним выстрелом уложить сразу нескольких, но жуки надвигались неуклонно, неся смерть. Лишь секунды были у него, чтобы принять решение – если жуки его настигнут, изранят заразными челюстями, он почти наверняка погибнет.

Взревев от ярости и отчаяния, Ник повернулся спиной к лесу и подстрелил самого крупного, преграждавшего путь к подъемнику. Пока жук корчился в муках и исходил предсмертным скрежетом, Ник подлетел к нему, вынул из тела стрелу, выпустив фонтан зловонной крови, и перескочил через труп. Два жука, что ползли по пятам, набросились на раненого собрата и стали его кромсать.

Ник кинулся через поляну к старинному медному колоколу, висевшему возле подъемника, дернул за веревку раз, другой, третий, и сигнал тревоги вознесся к верхушкам деревьев. Ник захлопнул дверцу клетки, запер на задвижку Кэмерона – теперь он в безопасности – и отчаянно замахал факелом.

Клеть тут же взмыла вверх, а Ник решительно взобрался на бревно, служившее подставкой факелу, готовый сразиться с жуками-убийцами, которые сомкнулись вокруг кольцом.

– Попробуйте-ка меня достать, ублюдки! Посмотрим, скольких из вас я прикончу одной стрелой! – Ник зарядил арбалет, дождался, пока два жука окажутся на одной линии, и выпустил стрелу. *Фьюишиить!*

– С тремя покончено, семь осталось. Шансы у меня неплохие. – Ник ткнул факелом в челюсти первого жука, что дополз до бревна, и жук со скрежетом попятился. – Жучиное жаркое! В Племени Рыси считается деликатесом – а я просто не перевариваю! Впрочем, как и кошек! – Ник выкрикивал слова, размахивая факелом, точно дубинкой. Одному из жуков он угодил в голову, пробив панцирь. Пока жуки закусывали очередным собратом, Ник поднял глаза, бросив взгляд в сторону подъемника. Он хотел убедиться, что клеть уже наверху, но не успел. С места побоища снова донесся шум, и у Ника все сжалось внутри.

Содрогнулась земля в лесу: самые свирепые ночные хищники приближались к кругу света от факела. Тараканы-людоеды, еще крупнее жуков-убийц, сползались со всех сторон, привлеченные запахом крови, облепили и жука, сраженного стрелой, и двух других, терзавших первого. С грозным скрежетом подбирались они ближе и ближе к Нику, пожирая все на своем пути.

Ник быстро взвесил в уме свои шансы. Подъемник за ним пришлют обязательно, но вряд ли успеют раньше, чем его настигнут проклятые твари. Он подал сигнал тревоги, и Псобратья придут на зов, но твари наверняка их опередят.

И вдобавок щенок. Жив ли он еще? Может, на него напали жуки или растерзали тараканы? Или его завлекла в лес иная, еще большая опасность? Можно ли его спасти?

– Здесь я его точно не брошу, – мрачно произнес Ник. Нужно действовать прямо сейчас: единственная возможность избежать столкновения с тараканами – использовать то время, пока они поедают жуков. Он изготовился прыгнуть как можно дальше, перескочить через тараканов, но вдруг небесную темень над ним озарил дождь из огненных стрел. Они полетели в кишашую массу хищников.

Лес огласился скрежетом, и от вони паленых насекомых Ника едва не стошнило. С деревьев спускались на канатах Псобратья с толстыми дубинками в руках. К их спинам ремнями были пристегнуты овчарки, а ноги соплеменников защищали доспехи из коры. Псобратья сгруппировались вокруг Ника тесным кольцом и, отбиваясь от насекомых, расчищали путь к подъемнику, который уже несея к ним сверху.

– Сюда, Ник! К подъемнику! – Псобрат по имени Уилкс, Военачальник, раскроил дубинкой панцирь жука и отпихнул его ногой в гущу тараканов. Его овчарка бросилась вперед, схватила таракана крепкими челюстями и стала терзать гада, пока тот не разломился пополам, запачкав обаку и ее спутника хлынувшей кровью и внутренностями.

– Не могу! Щенок где-то здесь!

– Щенок? Мальчик? – переспросил Уилкс.

– Да! Он побежал сломя голову, когда на нас напали жуки. Мне нужно идти за ним.

– Некогда. Идем на подъемник.

– Но он где-то здесь!

– Уилкс, их тут целый рой. Мы не сможем их долго сдерживать, – сказал Монро, пока его овчарка вспарывала брюхо жуку.

Свет полной луны озарял кроваво-красные тараканьи крылья и ржаво-бурые панцири жуков, и казалось, будто насекомых тут море.

– Ник, время не ждет. Садись в клеть, – приказал Уилкс.

– Я не могу его бросить!

– Он уже погиб! В этой мясорубке никому не выжить! – Уилкс указал на траву, кишевшую насекомыми. – Садись в клеть. Сейчас же.

Ник позволил Псобратьям увлечь себя к подъемнику, но, когда они начали трудный путь к спасению, он что есть силы вцепился в деревянную решетку и, глядя на полчища насекомых внизу, в отчаянии зывал в темноту:

– Нет! Малыш! Нееееет!

## 8

Мари потянулась, размяла затекшие плечи, покрутила головой. В смотровом оконце забрезжил свет. В порыве радости, которая всегда охватывала ее при мысли о скором возвращении матери, Мари вдруг поняла, что совсем потеряла счет времени – всю ночь проработала над портретом отца, а маме его не покажешь. В спешке она отодвинула рисунок в сторону, сушиться, а взамен положила перед собой тот, что ожидала увидеть Леда. Вместо пера взяла в руки заточенный уголек. Несмотря на усталость, собралась с мыслями, вообразила мамини тонкие руки – и за работу.

Шорох в кустах за дверью отвлек ее от почти готового рисунка. Мари по привычке заглянула в смотровое оконце и радостно улыбнулась. Неверные лучи туманного рассвета наконец разогнали серые сумерки.

Снаружи вновь послышался шорох, а потом кто-то поскребся в дверь – раз, другой, третий.

Мари в тревоге выронила уголек – и к двери. Неужто маме опять плохо? Обычно она стучала, а не скреблась, но не всегда – если она делилась целительной лунной силой сверх меры, то слабела, изнемогала.

– Иду, мама! – крикнула Мари, отпирая засов. – Прости, я рисовала и совсем забыла о времени. Сейчас поставлю чай. – Мари распахнула дверь – и мир ее изменился бесповоротно.

На пороге была не Леда, а пес, запыхавшийся, в луже крови.

Мари вскрикнула и отпрянула, пытаясь захлопнуть дверь перед носом у собаки. Но та ее опередила. Хоть пес хромал и жалобно скулил, но все же умудрился проскользнуть в нору.

Следуя по пятам за Мари, он по-прежнему скулил, но ушки на макушке стояли, а хвост дружелюбно вилял. Мари застыла, вжавшись спиной в поросшую мхом стену пещеры, не в силах отвести от пса взгляда. Теперь, когда отступать ей было больше некуда, он сел чуть поодаль, не сводя с нее пытливых янтарных глаз, что смотрели прямо в душу.

*Хоть и крупный, но еще щенок.* – Мысль Мари работала четко и ясно, но будто помимо ее воли. – *Лапищи огромные, будто на вырост.* – Мари окинула щенка внимательным взглядом и ахнула. Густая черная, как у соболя, шерсть на его груди висела клочьями, перепачканная свежей кровью.

– Что с тобой стряслось? Как ты сюда попал?

Услышав ее голос, щенок радостно запрыгал, рванулся к ней, но тут же взвизгнул от боли, беспомощно задрал большую неуклюжую лапу и принялсялизывать.

Мари, не раздумывая, опустилась перед щенком на колени, протянула руки. Щенок захромал к ней, упал в ее объятия, прильнув мордой к груди. Он поднял взгляд, снова заглянул ей в глаза, и Мари переполнили чувства – облегчение, радость и безбрежная, беззаветная любовь.

Она вдруг поняла, что привело сюда щенка.

– Ты пришел за мной, – выговорила Мари, не в силах сдержать душившие ее рыдания.

Они сидели бы так часами – прильнув друг к другу, связанные чудесными, непостижимыми, очень важными узами – но мамин голос, тихий, будто она шептала молитву Матери-Земле, вывел Мари из забытья.

– Как его зовут, Мари?

Мари сквозь слезы увидела в дверях Леду и улыбнулась так, будто сердце у нее вот-вот разорвется от счастья.

– Ригель! Его зовут Ригель, и он выбрал меня!

– Конечно, он выбрал тебя. Ты же папина дочка, – сказала Леда сдержанно, но слезы на ее щеках противоречили невозмутимому тону. Мать небрежно смахнула их. – Как думаешь, не будет Ригель против, если я войду?

– Да что ты, мама, заходи! – Одной рукой Мари поманила маму в дом, а другой нежно погладила Ригеля. Услышав голос Леды, щенок завопил в объятиях Мари, повернулся к двери и стал с опаской наблюдать за Ледой, но Мари чувствовала, что тело его расслаблено.

Леда вошла в тесную норку, возле самого порога нагнулась, осторожно поставив корзину с дарами, что принесли ей в ту ночь соплеменники, а потом захлопнула дверь и старательно заперла на засов. И повернулась к Мари и щенку.

– Мари, Орион будто читал мысли твоего отца. Гален объяснял мне, что у них с Орионом сверхъестественная связь, что собака и ее спутник чувствуют друг друга на расстоянии.

Мари взглянула на Ригеля.

– Он умеет читать мои мысли?

– В некотором роде. – Леда кивнула. – Орион обычно улавливал чувства Галена, иногда даже прежде, чем сам Гален успевал их осознать. – Улыбка Леды была нежна и печальна от нахлынувших воспоминаний. – Орион знал, что Гален меня любит, задолго до того, как твой отец признался мне – нет, пожалуй, даже самому себе. – Леда встряхнулась и продолжала: – Хотя ваши узы с Ригелем и совсем новые, придется нам испытать их силу.

– Испытать? То есть как, мама?

Леда не спеша приблизилась к Мари и щенку.

– Ах, вот оно что. Я шла до самой двери по кровавому следу – так это его кровь, а не твоя. – Леда замолчала, поправила прилипшую ко лбу прядь волос. Мари заметила, что мамина рука дрожит, и глаза ее расширились от ужаса: она все поняла.

– Мама, прости, что Ригель тебя напугал. Я цела и невредима, честное слово. Я не выходила наружу. Он сам ко мне пришел.

– Да, теперь поняла. Просто крови было много, и след вел прямо сюда. Я не видела, как ты ушла с поляны, Мари. Дженна сказала, что еще до темноты, но когда я увидела кровь... – Голос у Леды сорвался, она смахнула слезы.

– Ох, мама! Прости меня, прости!

– Не за что просить прощения, девочка моя. Ты ни в чем не виновата, но, боюсь, твой пес серьезно ранен.

Мари невольно прижала к себе Ригеля, и тот взвизгнул от боли. Мари тут же отпустила его.

– Ничего, ничего, – приговаривала она, лаская его, а щенок все тыкался в нее мордой. – Какая же я глупая, мама! Сажу тут, тискаю его, а он кровью истекает, сам не свой от боли.

– Ни к чему себя грызть. – Леда опустилась перед ними на корточки. – Ты не была к этому готова.

– Когда он зашел, он хромал. – Мари взяла щенка за переднюю лапу, повернула ее подушечкой вверх. – Смотри, мама, у него лапы поранены, кровь идет.

– Это наш ежевичник виноват, – предположила Леда. – Потом покажешь ему безопасную тропу сквозь кусты, но сперва проверим, не осталось ли заноз. – Она указала на окровавленную грудь Ригеля. – Меня больше волнует, откуда столько крови здесь.

Леда промокнула рукавом глаза, вытерла нос, а затем нежно, бережно раздвинула густую пушистую шерсть, пропитанную кровью, и вздрогнула при виде рваных ран на груди у Ригеля. Щенок задрожал, задышал часто-часто, но не издал почти ни звука, лишь крепче прижался к Мари.

– Мама! – Мари заглянула матери в глаза, силясь понять, откуда взялся внезапный страх, душивший ее, лишавший радости.



– Как видно, твой храбрый Ригель шел к тебе через преграды посерьезней нашего ежевичника.

– Но он выживет? – Мари сама поняла, до чего жалобно, по-детски звучит ее голос. Ригель тявкнул, лизнул ее в лицо.

– Выживет. Ни о чем ином я и думать не хочу, да и ты тоже не думай – тем более, страх твой, даже невысказанный, передастся Ригелю. Будь сильной ради него, Мари.

Мари кивнула, в очередной раз сдержав рыдания.

– Думай о том, как сильно ты успела его полюбить, а не о том, как боишься потерять, – сказала Леда, склонившись над Ригелем и осматривая его раны. – А еще думай о том, какой он храбрый малыш.

– Да, храбрый! Храбрый, красивый, необыкновенный! Я это знаю – чувствую.

– У него немало и других достоинств, – согласилась Леда и улыбнулась Ригелю, а тот в ответ застучал по полу хвостом. Она поднесла ему раскрытую ладонь. Щенок тут же лизнул ее и позволил погладить себя по голове. – И спутницу он выбрал себе под стать – тоже храбрую, красивую, необыкновенную! – Голос Леды дрогнул от нахлынувших чувств; она слегка потрепала щенка и встала, одернув юбку. – Но твой Ригель истекает кровью. Надо перевязать ему раны на груди, чтобы он поправился.

Ригеля била дрожь; Мари обняла его крепче.

– Он дрожит, будто замерз, а ведь у нас тепло.

– Это все последствия ранения. Ты и сама знаешь, Мари. Я тебя столько раз учила, как лечить раны! Действуй же!

– Но одно дело слушать твои рассказы и отвечать на вопросы... Вдобавок он же собака, а не Землеступ. Как быть, ума не приложу!

– Мари, соберись. Некогда бояться. Уже светает, солнце скоро завладеет небом, но полную луну вытеснить с небес не так-то просто, тем более когда с утра такая дымка. Я и сейчас могу собрать достаточно лунной силы, чтобы остановить кровь и унять его боль, но лишь с твоей помощью. Ему нужна твоя помощь.

– Сделаю все, что в моих силах. Ради Ригеля я на все готова.

– Вот этих слов я от тебя и ждала. Первое правило Целителя...

Леда остановилась на полуслове, и Мари, не задумываясь, закончила фразу за нее:

– Не бояться, а действовать.

– Отлично. Тогда за дело. Думаю, ходить ему сейчас нельзя. Сможешь его нести? Нам нужно подняться наверх в поисках силы, что поддержит нас.

– Он тяжелый, но я сильная. Я его понесу. – Мари взяла Ригеля на руки, устроила поудобнее. Бережно держа его, встала на ноги. Щенок не издал ни звука, лишь уткнулся мордочкой в плечо Мари, по-прежнему дрожа и задыхаясь.

– Мы готовы. – Мари тоже с трудом дышала, но глаза ее горели решимостью. Она спасет Ригеля, и он будет здоров.

Леда ободряюще кивнула, направилась напрямиком к двери, отодвинула тяжелый засов и вышла наружу.

Мать взяла в руки дорожный посох. Как и Мари, она раздвигала им частокол ежевики, надежно защищавший их дом. Леда шла впереди; они спустились по склону, сделали петлю и наконец свернули на другую извилистую тропу, которая вывела их на расчищенную круглую площадку на скалистом гребне позади норы, чуть выше по склону. Здесь со всех сторон поднимался ежевичник – под их заботливыми руками он вымахал выше человеческого роста, открытой оставалась лишь небольшая живописная поляна да круг неба над ней.

– Садись сюда, в середину, в объятия Матери-Земли, – велела Леда. – Ригеля возьми на колени.

Мари без единого слова повиновалась, приблизившись к изваянию женской фигуры, которая словно вырастала из-под земли посреди поляны. Статуя походила на ту, что украшала Поляну собраний, только была еще выше и древнее. Мягчайший мох покрывал ее, густая шевелюра была из папоротника – Венерина волоса. Овальное лицо, безмятежное и всезнающее, было высечено из обсидиана. Мари привычно поклонилась образу Матери-Земли, богини, у которой с Ледой была сильная связь, и села, скрестив ноги, лицом к статуе, а щенка устроила у себя на коленях и крепко обняла. Пока Леда ходила по поляне и собирала пряные травы, что росли здесь в изобилии, Мари всматривалась в безупречное лицо Богини, в который раз жалея, что не чувствует с ней ту же связь, что и Леда.

Леда положила руки на плечи дочери, обдав ее ароматом розмарина, и, будто угадав ее мысли, произнесла:

– Даже если ты не слышишь ее голоса, не чувствуешь ее присутствия, знай, Великая Мать-Земля здесь, рядом. Она следит за тобой внимательно, девочка моя.

Мари вздохнула полной грудью; аромат розмарина успокоил ее, и она кивнула. Пусть она не ощущает близости Богини, не слышит ее голоса, но матери она доверяет безоговорочно. Мари откинулась назад и прислонилась к коленям Леды, черпая у нее силы.

Подняв глаза, девушка взглядела в предрассветный туман, высматривая хотя бы маленький лучик полной луны, хотя бы слабый след бывшего сияния, но видела лишь утреннее небо в серой пелене облаков.

– Ни лучика луны. Слишком поздно. – Мари глотала слезы.

– Луна никуда не делась. Зримая или незримая, луна всегда здесь. И с помощью нашей Матери-Земли, а также и с твоей помощью я смогу вобрать в себя ее силу.

Леда не тратила времени на поиски луны – ведь она и так здесь, – а Мари, даже не оглядываясь на Леду, понимала, чем та занята. Она мысленно видела, как мать, широко раскинув руки, поднимает к небу серые глаза. Она знала, что даже малейший отблеск луны, не исчезнувший с рассветом, заставляет кожу Леды серебриться. Лунное сияние обрекает всех Землеступов – кроме Жриц Луны – на безумие от заката до восхода. Леда стала взывать к луне чистым, сильным, звучным голосом:

*Я Жрица Лунная, о Мать-Земля!  
Перед тобой стою, к тебе взываю я...*

Мари спиной чувствовала, как дрожат у Леды колени.

– Готовься, – велела Леда, на миг прервав ритуал. – И дай руку. Другой рукой коснись Ригеля и сосредоточься, Мари. Мы это все отрабатывали столько раз – теперь соберись и сделай.

Мари расправила плечи и, отбросив страх и сомнения, вслепую потянулась вверх. Тонкая материнская рука коснулась ее руки, сжала ее властно и уверенно.

– Теперь повторяй за мной заключительные слова, и увидишь, как серебристая лунная сила полетит от луны ко мне, от меня – к тебе, а от тебя – к Ригелю.

Мари стиснула руку матери, кивнула и вместе с Ледой произнесла знакомые слова, которые притягивали с небес невидимые нити силы, подвластные лишь Жрицам Луны.

*Мне в дар от предков связь с тобой дана,  
Моя судьба – нести твой свет, Луна!*

Мари собрала всю волю, как делала уже столько раз; ладонь Леды стала жесткой, и сила потекла сквозь нее к Мари – мелкими иголочками обожгла ладонь, устремилась вверх по руке, вихрем закружилась внутри, нарастая с каждым мгновением. Сердце у Мари застучало как

молот, и она вдруг задышала часто-часто, в едином ритме со щенком. Ригель испуганно скулил у нее на коленях.

– Соберись. – Шепот матери, хоть и почти неслышный, отозвался внутри у Мари. – У тебя получится. Сила эта тебе не принадлежит: твое тело – всего лишь проводник. Черпай спокойствие у образа Матери-Земли. Даже если кругом хаос, боль и кровь – ищи опору внутри себя. Отпусти все земное – и пусть серебряный поток струится сквозь тебя беспрепятственно. Он, как ночной водопад, а Ригель – сосуд, куда бежит струя, и не должно расплескаться ни капли.

Мари взглянула на дивную статую Матери-Земли, за которой Леда ухаживала с такой любовью. Но, как всегда, увидела лишь листву да искусно обработанный камень. Она не ощущала божественного присутствия, перед которым благоговела ее мать. Не могла нащупать истинную суть, найти опору.

– Мама, н-не м-могу. З-здесь т-так х-холодно, – выдавила она, клацая зубами.

– Это оттого, что целительная сила не тебе предназначена. Отбрось прочь страхи, Мари. Соберись! Сделай усилие и стань проводником лунной силы. Сегодня у тебя должно получиться, иначе твой Ригель обречен.

Слова матери потрясли Мари.

– Нет! Он не умрет. Я не дам ему погибнуть. – Мари стиснула зубы и попыталась собраться с силами. Несмотря на холод и боль, она пыталась избавиться от дикой мешанины чувств, что бушевали внутри – и стать руслом лунного водопада. И пока поступающая сила кружила в ней водоворотом, страхи сковывали Мари, грозили засосать, унести в ледяную бездну.

Здесь Мари обычно терпела крах – выпускала руку матери, позволяла дурноте овладеть собой. Ее тошнило, она извергала из себя тоску и лунный свет, а Леда гладила ее, утешала спокойными, ласковыми словами – мол, впереди новая попытка, в следующий раз непременно получится.

Но для Ригеля новой попытки не будет, а потерять его Мари не согласна. *Думай! Соберись!*

– Дыши ровнее, Мари. Успокойся. Учение позади. Или ты вылечишь Ригеля, или потерпишь неудачу, и он умрет от ран и потери крови. *Такова жизнь*, другой у тебя нет.

– Вот нужные слова, мама! Надо сделать мечту жизнью. – Мари крепко зажмурилась. Неужели это и есть ответ? Неужто все так просто? Мари представила себя дома, за рабочим столом, наедине с листом бумаги. Она задышала размеренно, сердце забилось ровнее. Она отыскала опору, вообразив чистый лист, и на этом листе стала мысленно рисовать себя, легко и уверенно – будто сидит скрестив ноги, а на ее коленях распластался Ригель. И сверху в ее раскрытую ладонь хлынул серебряный поток, заструился сквозь тело к другой руке, прижатой к израненной груди щенка. Не открывая глаз, Мари мысленно работала над наброском, рисовала Ригеля, счастливо омытого лунным светом, с зажившими ранами.

Прохладный поток внутри у Мари вдруг стал подвластен ее воле. Он уже не тянул ее на дно, а тек сквозь нее, как по руслу, свободно и мирно. *Я могу! Могу!* Но уже через миг все рухнуло. Созданный ее воображением рисунок исчез, а с ним иссяк и поток силы.

– Нет! Нет! Верни все назад! У меня получалось... получалось, – выдохнула Мари, цепляясь за руку матери, как за спасательный круг.

– Поздно. Солнце взошло. Даже с твоей помощью мне уже не призвать луну. – Леда опустила на колени рядом с Мари, осторожно высвободила ладонь из руки дочери. – Но и этого хватило. Ты справилась, девочка моя. Я в тебе не сомневалась. Хвала Матери-Земле и благословенной луне! Ты спасла его.

Голова у Мари шла кругом, на душе было пусто; она взглянула на Ригеля. Щенок радостно замахал хвостом, привстал, лизнул ее в лицо. Превозмогая дурноту, Мари тихонько

засмеялась и обвила его руками. Ригель свернулся клубочком и уснул в ее объятиях, лучась теплом и покоем. Дрогнувшей рукой Мари раздвинула спекшийся от крови мех на его груди. На месте зияющих кровоточащих ран розовели свежие рубцы.

– Так я и знала. Ты унаследовала мой дар, даже с избытком. – Голос Леды звенел от счастья. – Ригель все перевернул!

Мари любовалась щенком, не веря своей удаче, пытаясь разобраться в нахлынувших чувствах.

– Да, все перевернул, – повторила Мари, и в этот миг порыв теплого утреннего ветерка разогнал туман у них над головами, и солнечные лучи позолотили лужайку. Мари тут же кожей почувствовала свет солнца, и глаза ее невольно обратились к нему, распахнулись ему навстречу. Тепло наполнило ее, и, не в силах сдержаться, она вдохнула всей грудью, впитывая свет, жар, мощь, но тут же медленно, с грустью оглядела себя. Под кожей ярко вспыхнули солнечные узоры, лучились и множились, постепенно изукрашивая все тело.

Тут Ригель открыл глаза и взглянул на небо. Мари увидела, как глаза у него засветились, из янтарных превратились в золотые.

Мари и без драгоценного зеркала знала, что и ее глаза, смотревшие сейчас на мать, уже не серебристо-серые, а полыхают золотом – точь-в-точь как у Ригеля.

– Девочка моя, вы сейчас вылитые Гален с Орионом! – улыбнулась сквозь слезы Леды.

– Да, мама, Ригель все перевернул – но при этом ничего не изменилось. Все – и ничего.

## 9

– По-моему, что-то я здесь напутала, мама. Взгляни, пожалуйста. – Мари протянула Леде деревянную миску на пробу.

Леда взяла щепотку снадобья, что готовила Мари, понюхала.

– Окопника и цикория достаточно, но ты права – в бальзаме не хватает порошка из подорожника, именно порошка, а не просто сушеных листьев, как ты положила.

– Сушеный подорожник в средней корзине, вместе с пчелиным воском?

Леда кивнула.

– Да. – Она с улыбкой бросила взгляд на пушистый комочек, свернувшийся на тюфяке из зубровки под столом у Мари. – Думаю, не я, а Ригель твой лучший учитель. – Щенок, казалось, крепко спал, но при звуке своего имени приоткрыл глаза, и взгляд его сразу нашел Леду. Трижды лениво махнув хвостом, щенок снова закрыл глаза, умиротворенно вздохнул и тихонько засопел. – За те девять дней, что он живет у нас, ты узнала о целительстве больше, чем за все восемнадцать зим своей жизни.

– Что ж, к моему стыду, ученица из меня далеко не лучшая. – Мари с улыбкой оглянулась на мать, роясь в корзинах вдоль стены чулана-аптечки. Чего там только не было! – Вот, нашла! – Мари принесла корзину, поставила ее на стол и начала понемногу добавлять студенистую массу в смесь трав.

– Ученица, может, и не лучшая, зато лучшая на свете дочь, – сказала Леда.

– Мама, ты судишь предвзято, – засмеялась Мари. – Это как если бы я назвала Ригеля лучшей на свете собакой.

– А разве нет?

– Так и есть! Ну вот, ты опять права! – Обе прыснули со смеху, и Мари подумалось: какая же мама молодая, совсем как девочка! Смех разгладил предательские морщинки, что с недавних пор проступили на лице Леды, и Мари вдруг осознала, что мама, ее самый близкий друг, стареет. По спине девушки забежали мурашки, и она поспешно продолжила: – Вчера, когда я выводила Ригеля, то увидела, что дикую морковь на поляне возле западного ручья уже можно собирать – а собирать лучше ночью, так она слаще. Третья ночь только завтра, обойдется Клан без тебя денек. Побудь со мной и Ригелем, сходим вместе, наберем большую корзину.

Улыбка сбежала с лица Леды; она вернулась к работе – продолжала плести кузовок.

– Сегодня – нет, девочка моя. Я назначила сход перед закатом, а потом меня ждут дела Клана.

– Следить, чтобы они друг друга не съели – это не дела Клана, а благотворительность, – буркнула Мари.

– Ты же знаешь, Землеступы людей не едят.

– Только потому не едят, что ты смываешь с них ночную лихорадку, – сказала Мари громким шепотом.

– Вот свежеватели, те людоеды, и шутки тут не к месту, сама понимаешь. Напомни мне правило, Мари.

Мари, подавив зевоту, заученно оттаранила:

– «Близ городов ты будь внимателен – остерегайся свежевателей».

– Всегда помни стихи твоего детства. Я тебе их твердила не забавы ради. – Леда умолкла, собралась с мыслями и снова заговорила, но уже с иным настроением. К ней вернулось спокойствие, но с ним вернулась и усталость, обвела ее глубокие серые глаза темными кругами: – Мари, быть Жрицей Луны – не благотворительность, это судьба. Ты на себе испытала, что такое сила, и знаешь, что дар твой нужно холить и лелеять, направлять на добрые дела, на благо Клана.

– Мама, умом я все понимаю, но не разделяю твоих чувств. Ты снова и снова помогаешь людям, которые расправились бы с тобой и со мной, знай они правду.

– Закон был установлен задолго до моей встречи с Галеном. В те времена, когда предки нашего Клана перебрались сюда с побережья и Псобратья обнаружили нашу связь с Матерью-Землей и всеми ее дарами. Мы готовы были им помогать, вместе с ними растить урожай на их благодатном острове, а они, вместо того, чтобы отблагодарить нас, схватили нескольких наших женщин и держали в неволе. Без Жрицы женщин разбила ночная лихорадка, а Племя не выпускало их на свободу, Тех же, кто пытался их освободить, убивали или брали в рабство. С тех пор женщины Клана наложили запрет на всякое общение с Древесным Племенем.

– Да, и если бы про меня узнали, то по Закону Клана нас с тобой прогнали бы на земли Псобратьев и бросили там. Это, мягко говоря, не внушает мне любви к сородичам.

– Так значит, ты хочешь, чтобы я лишила сородичей того, что их утешает, что помогает сохранять здравый рассудок? Хочешь, чтобы я перестала лечить больных и раненых, которым нужно мое искусство, мои руки? А как же Дженна и Ксандр? Готова ты обречь подругу и ее отца на тоску и безумие?

– Нет, никогда. – Мари нахмурилась.

– Мари, я часто мечтаю об иной жизни для тебя.

– Ну а я мечтаю об иной жизни для нас с тобой, – твердо сказала Мари.

Леда оторвалась от работы и заглянула дочери в глаза.

– Для меня нет на свете большего счастья, чем жить с тобой.

– Ах, мама, я так тебя люблю! Мне всего лишь хочется, чтобы в нашей жизни было больше радости, в противовес печали.

– Девочка моя, благодаря Ригелю мечта твоя сбывается. Вижу, с тех пор как он выбрал тебя, на тебя снизошла большая радость.

Мари с улыбкой протянула руку и погладила Ригеля по голове. Щенок-подросток умиротворенно зевнул, потянулся, ткнулся носом ей в руку и посмотрел на нее с обожанием.

– Да, он принес мне счастье. Но, мама, он жизнь мою перевернул – и при этом ничего не изменилось, – повторила она мысль, которая не шла у нее из головы.

– Мари, если со мной что-нибудь случится, обещаю тебе, что возьмешь Ригеля и вместе с ним уйдешь к Псобратьям.

Мари похолодела внутри.

– Мама, ничего с тобой не случится!

– Обещаю не забыть о моей просьбе! Ты должна будешь пойти к родичам твоего отца.

– Нет, мама! Ничего обещать я не стану. Псобратья нас убивают, угоняют в рабство. С чего мне к ним идти?

– Выслушай меня, Мари. Ты – совсем иное дело, благодаря Ригелю ты одна из них. Ты связана узами с овчаркой – собакой-Вожаком. Для них это святое. Ты ценна для их Племени, а для Псобратьев ценности Племени превыше всего.

– Мой отец был связан узами с Орионом, собакой-Вожаком, был ценен для Племени. И его не пощадили.

– Потому что он преступил один из нерушимых заветов Племени – украл листья священного папоротника. А ты никакого завета не нарушала. Думаю, тебя примут.

– Мама, а много ли ты знаешь о том, как сейчас живут Псобратья? – Но Леда слова сказать не успела, как Мари остановила ее, сделав знак рукой. – Прежде чем ты ответишь, давай подумаем, так ли уж много мы знаем о них на самом деле, а не по давним рассказам. Ты уже целых восемнадцать зим не разговаривала ни с кем из Псобратьев. Всю мою жизнь ты мне твердила, что мой отец был хороший человек, добрый, любящий. А еще говорила, что он был не похож на других. Он не взял тебя в плен, не обратил в рабство, а полюбил, но вы оба знали, что, если хотите быть вместе, надо бежать.

– Верно, но Гален мне много рассказывал о своей семье и друзьях, и хотя он говорил, что отличается от них, но признавал, что Древесное Племя – хороший народ, мудрый и справедливый.

– А вдруг он тебе просто сказки рассказывал, как мы с тобой друг другу? – Сомнение, никогда не покидавшее Мари, наконец вырвалось наружу. – Вдруг Гален все выдумал, вдруг он рассказывал не о живых людях, а о мифических персонажах, чтобы тебя развлечь и хоть как-то успокоить?

– Нет, – чуть слышно ответила Леда. – Не хочу в это верить. Не могу.

Увидев мамино бледное, напряженное лицо, Мари испугалась:

– Ну хорошо, хорошо. Будем считать, что Гален говорил тебе правду. Но это было давно, мама, восемнадцать с лишним зим назад, и даже тогда этим людям – добрым, хорошим – не хватило мудрости пощадить его. Подумай, сколько всего могло приключиться за те восемнадцать зим, что я живу на свете. Наверняка многое изменилось в жизни Древесного Племени.

– Кое-что, вероятно, могло измениться к лучшему, – рассудила Леда.

– Но, как видно, это не так. Мама, ты говорила, что в последнее время Мать-Земля неспокойна. Что ж, верю. Что-то творится. Множатся охотничьи отряды Псобратьев. Теперь они ищут нас вдалеке от своих родных сосен. С каждой зимой число пленных растет, а не уменьшается. Как убивали нас, так и убивают. Но я с тобой отчасти согласна. Они и впрямь изменились, только не в лучшую сторону, и Ригель – тому пример.

– Ригель?

– Он собака-Вожак, Племя должно его чтить и оберегать, так?

– Да.

– Тогда что же он делает здесь?

– Выбирает тебя в спутницы, конечно.

– Да нет же, мама, я не об этом. Я вот о чем: что его заставило отбиться от людей, которые почитают собак и защищают их, даже ценою жизни?

Леда, округлив глаза, уставилась на щенка, будто видела его впервые.

– Я над этим не задумывалась, но, может статься, ты и права, Мари. Племя, о котором рассказывал твой отец, ни за что бы не отпустило драгоценного щенка овчарки одного в лес, тем более после захода солнца. – Леда тряхнула головой, будто отгоняя прочь недобрые мысли. – И все равно ты не только моя дочь, но и Псобрат. Понимаю, страшно идти в племя отца, но, девочка моя, когда меня не станет, ты должна найти место в мире себе и Ригелю, и место вам не в этой норе. Негоже тебе прятать половину своих корней.

– К чему ты клонишь? Я думала, что стану Жрицей после тебя. Что изменилось? – Ригель, уловив настроение Мари, тихонько заскулил, и девушка приласкала его, успокоила.

Леда со вздохом отложила работу, повернулась к дочери, скрестив руки на коленях.

– Прошлой ночью женщины Клана заявили, что я должна назвать имя своей преемницы и начать ее обучение.

Мари будто споткнулась и полетела кубарем в ледяную реку.

– Потому что все устали ждать, пока я перерасту мнимую хворь и покажу свою силу?

– Нет, девочка моя. Потому что Землеступы должны знать, что среди них есть юная Жрица и она возьмет на себя заботу о Клане, когда я состарюсь и уже не смогу призывать луну.

– Дай мне еще разок попробовать. Теперь я хоть немного умею управлять своей силой. Я же помогла тебе спасти Ригеля! Позволь мне быть твоей настоящей ученицей! Я же твоя дочь, имею право.

– Я была бы счастлива взять тебя в ученицы, но твоя безопасность для меня превыше всего, я не могу тобой рисковать.

– Но я и так в безопасности! Я никогда не буду выходить к Клану ни до заката, ни после восхода. Всегда буду вовремя красить волосы и замазывать лицо. Всегда.

– Если бы только я могла ответить «да»! Ты и сама все понимаешь, Мари. Это просто-напросто опасно, тем более сейчас. – Леда указала взглядом на Ригеля. – Закон предельно ясен. Даже если ты Жрица, ты будешь изгнана из Клана, когда твою тайну узнают.

Мари сказала, тоже глянув на Ригеля:

– Он будет сидеть внутри. Я ему велю. Знаешь ведь, он меня послушается – он послушный мальчик. – Ригель замахал хвостом и придвинулся ближе к Мари, будто бы в знак согласия.

– Я многого не знаю об узах между Псобратьями и их собаками, но одно знаю точно: хотя твой Ригель и подчиняется тебе беспрекословно, разлука с тобой, пусть даже на время, причинит ему боль, точно так же, как и тебе. С тех пор как он тебя выбрал, Мари, прошло всего девять ночей, а вы уже неразлучны. – Леда покачала головой. Взгляд ее стал грустным, но она продолжала с той же убежденностью: – Я выбрала Зору. Объявлю сегодня же, до заката.

Мари от обиды закусила губу.

– Зору? Не годится эта гордячка в Жрицы!

– Зора еще совсем молода и занята собой, но и силой она щедро одарена, и в ученицы так и рвется. Думаю, с моей помощью из нее выйдет Жрица, которой можно доверить Клан.

– Она же тебе не нравится, – возразила Мари.

– Ты права, я от нее не в восторге. Ей слишком много было дано с рождения, и это испортило ей характер. Однако девушка она неглупая, сумеет иметь дело с Кланом. Я чувствую в ней дар призывать луну и очищать людей от ночного безумия. Словом, она достойная преемница.

– Я... я должна была это предвидеть, но не ожидала, что будет так больно, – тихо произнесла Мари, не глядя на мать.

Леда подлетела к дочери, обняла ее, притянула ее голову к своему плечу.

– Незачем убиваться. Случись мне выбирать из всех детей на свете, я выбрала бы только тебя. И случись мне выбирать среди всех соплеменниц, кого Богиня наделила даром призывать луну, то кроме тебя я не искала бы другой ученицы. Но судьба у тебя иная. Может быть, когда-нибудь твой жребий позволит тебе и стоять нагой на солнце, и черпать лунную силу. А до тех пор я постараюсь оберегать тебя от тех, чье невежество может тебе навредить.

– А я лишь одного прошу у судьбы: всегда быть рядом с тобой и Ригелем.

– Значит, желание твое исполнимо – мы оба будем с тобой до последнего вздоха. И подумай о хорошем: как только Зора всему научится, я смогу больше времени уделять вам, тебе и Ригелю, – сказала Леда и поцеловала Мари в лоб. – А теперь давай полечим твоего юного друга бальзамом – потом меня ждут ночные дела.

Мари со вздохом кивнула. Устроившись бок о бок, они осмотрели Ригеля, сняли мох, прикрывавший раны на его груди, пока пес вилял хвостом и нежился в объятиях Мари, распластавшись лягушкой и свесив большие неуклюжие лапы.

– Как же быстро он выздоравливает – я довольна! Раны были глубокие, и потеря крови всерьез меня тревожила. – Леда указала на свежие рубцы на груди Ригеля. – Но аппетит у него превосходный, глаза блестят, а нос мокрый и любопытный. – Леда засмеялась, когда Ригель сунул нос ей под мышку и принялся. – Никаких признаков инфекции я не вижу, а вижу здорового, веселого щенка, который растет не по дням, а по часам!

– И взгляни на его лапы. – Мари показала матери лапы Ригеля одну за другой. – Он уже не хромает.

Леда пощупала лапы щенка, потрепала ему уши, а Ригель пытливо смотрел на нее.

– Лапы зажили окончательно. Наверняка к полнолунию от ран на его груди останутся лишь еле заметные следы. – Щенок бросился радостно вылизывать лицо Леды, отчего ты засмеялась. – Очень приятно, мой юный друг!

– Как по-твоему, не слишком он тощий? – Ригель притулился к Мари, не отрывая взгляда от Леды, будто тоже ждал ответа.



– Разве что самую малость, но ведь он щенок и быстро растет. Мы же стараемся набивать ему брюшко крольчатиной, хотя бы наполовину. – Леда вновь посмотрела на лапы щенка. – Думаю, он перерастет Ориона, а Орион был огромный пес.

– Мама, а что, если я заменю ловушки?

– То есть как – заменишь? – удивилась мать.

– Сделаю так, чтобы они не убивали кролика. Я несколько ночей голову ломала – и вот, смотри, что придумала. – Мари подбежала к столу, выхватила из стопки лист с набросками диковинной прямоугольной корзины. – Сможешь сплести такую? – Мари указала на набросок, самый близкий к завершению. – С дыркой, куда кролик может залезть, а вылезти не сможет: как только он окажется внутри, дверца захлопывается – как здесь, на рисунке.

Леда вгляделась в рисунок:

– Пожалуй, смогу.

– Вот и славно! И тогда останется изловить самца и самку – и вскоре крольчатины у Ригеля будет вдоволь, да и нам с тобой хватит!

– Какая же ты умница, Мари! – восхитилась Леда. Чуть заметная дрожь пробежала по ее телу. Она устало вздохнула, и радость испарилась из ее голоса, как роса под летним солнцем. – Уже смеркается. Клан собирается на поляне, будет ждать моего решения. Скорей бы эта ночь прошла!

– А когда ночь пройдет, мы с Ригелем будем ждать тебя здесь, как всегда, и чай будет готов, обещаю. – Мари говорила нарочито бодрым голосом, стараясь развеять тоску, что накатил на мать с приближением ночи.

– Тогда я уйду пораньше и, надеюсь, пораньше вернусь. Вот видишь, девочка моя, как хорошо, что я беру Зору в ученицы. Для начала передам ей кое-какие свои обязанности.

– Правильно, мама. Все будет хорошо.

– Прочь тоску и уныние?

– Прочь, – бодро отвечала Мари. – Тебе помочь собраться? – спросила она, всячески стараясь поддержать мать. *Может, и правда к лучшему для нас, что мама выбрала Зору.*

Вскоре Мари проводила мать и заперла дверь на засов. Но в ту ночь она не села, по своему обыкновению, за рабочий стол. В ту ночь она стояла под дверью, напряженно прислушиваясь, а Ригель сидел рядом в нетерпеливом ожидании. Мари глянула на свою овчарку.

– Вот и правильно. Сегодня особенная ночь. Сегодня мы последуем за ней.

## 10

Мари подбежала к лежанке, где спала вместе с Ригелем, достала с полки над постелью три небольшие деревянные чашки. В одной хранилась густая масса, похожая на глину, в другой – смесь древесного угля с землей, в третьей – темная краска из скорлупы грецкого ореха. На полпути к столу она мельком глянула в зеркало, вновь нанесла краску и глину, замаскировав тонкие черты, скрыв природный цвет волос. Наконец, довольная своим отражением, она еще раз осмотрела раны Ригеля, убедившись, на месте ли клейкий бальзам.

Щенок, как обычно, следил за ней во все глаза и терся рядом. Он явно уловил перемену в настроении Мари и отзывался на это по-своему, по-щенячьи – места себе не находил, нарезал вокруг нее круги, свесив язык.

– Ну-ну, никуда мы не спешим, просто пойдем следом за мамой, – успокаивала щенка Мари. – Постоим, посмотрим – убедимся, что все хорошо. Она столько раз в последнее время говорила, что Мать-Земля неспокойна – не могу отделаться от дурного предчувствия, и, если что случится, мы должны быть рядом. – С этими словами девушка подошла к большой корзине, полной гладких камешков величиной с яйцо малиновки. Тщательно отобрав несколько, они наполнила ими кожаную сумку, туда же положила и свою любимую кожаную прачшу.

Помедлив возле заточенных кремневых ножей, Мари выбрала тот, которым было сподручнее нарезать продукты, и тоже спрятала в сумку. Потом сняла с крючка возле двери заветный сафьяновый бурдюк – другой такой же брала с собой каждую ночь Леда. Верная старой привычке, встряхнула его, и, убедившись, что он полон, перекинула через плечо. Поймав ясный, умный взгляд щенка, Мари сосредоточилась, пытаясь передать ему спокойствие и уверенность.

– Сегодня особая ночь. Мы не просто выходим на минутку, чтобы ты облегчился. Мы идем на разведку. Вести себя нужно тихо. Тише воды ниже травы. Чтобы никто нас не заметил.

Ригель все понял, Мари точно знала. Щенок, разумеется, не отвечал ей словами – собаки не говорят. Но у Мари появлялось ощущение полноты и понимания, и с каждым днем, что Ригель был рядом, оно росло и крепло.

– Вот мы и готовы – лучше не бывает. Пошли.

Мари открыла дверь, взяла дорожный посох, стоявший на обычном месте. Ригель послушно следовал за ней, пока она расчищала ему путь сквозь колючий ежевичник, чтобы он целым и невредимым миновал лабиринт потайных тропок вокруг норы. За все время он не издал ни звука, будто знал Мари не считанные дни, а долгие зимы.

Миновав ежевичник, Мари задумалась, какой дорогой идти дальше. Сегодня Леда назовет преемницу, а значит, она выбрала место просторнее и доступнее Лунной Поляны. Мари перебирала в уме возможности, пытаясь угадать, где нынче ночью будет объявлена важная новость.

Со стороны Клан мог показаться беспорядочной горсткой людей, отчаянно боровшихся за выживание на скудной земле, однако это далеко от истины. Землеступы представляли собой весьма развитое общество, со сложной системой мест для собраний между скоплениями нор. Люди клана Мари, искусные плетельщики, украшали свои жилища узорными пеньковыми гобеленами, плели затейливые корзины, сети, ловушки, даже одежду. Всеми делами Клана заправляли женщины, они принимали все решения – где рыть новые норы и разбивать сады, с какими из соседних кланов торговать и когда. Детей они учили чтению и письму, знакомили с мифами древнего мира, что канул в небытие и остался лишь в воображении людей.

И главное, Жриц Луны они чтили как живое воплощение Великой Матери-Земли и хранительниц Духа Клана.

Так где же соберется нынче ночью Клан плетельщиков? Ближе к какому скоплению укрomных нор? Мари знала все места наперечет – они с матерью вместе составляли карты, правили их, заучивали списки наизусть. Да только мест много, а ошибиться нельзя. Мари не сможет присмотреть за мамой, если не разыщет ее до темноты. Только безумец или жертва ночной лихорадки станет бродить по лесу в одиночку после захода солнца.

*Какой дорогой она пошла?*

Мари остановилась, прислушалась в надежде уловить шорох в отдаленных кустах, хотя намеков на то, куда направилась Леда – но ни звука, лишь сойка на соседнем дереве тревожно вскричала при виде Ригеля.

Мари опустила взгляд на щенка. Он сидел рядом, насторожив уши, и пытливо всматривался в темноту, будто чаща нашептывала ему секреты, лишь ему одному понятные.

*Конечно!* – сообразила Мари. – *Он знает то, чего не знаю я – чувствует то, чего не чувствую я – слышит то, чего не слышу я.* Мари присела подле Ригеля на корточки, взяла его морду в ладони и, поймав его взгляд, вызвала в уме образ Леды.

– Ищи, – велела она щенку. – Ищи маму!

Щенок немедленно взялся за дело. Уткнув нос в землю, побежал змейкой, петляя туда-сюда, и вдруг замер, задрал хвост, перед узкой тропкой, что вела на северо-восток, и оглянулся на Мари.

– Вот умница, красавец! – Мари обняла щенка, поцеловала. – Если она пошла по этой тропе, значит, Клан собирается возле Рачьего ручья, рядом с зарослями вишни. Главное, помни – тише воды ниже травы. Никто не должен знать, что мы за ними следим.

Настал черед Мари вести Ригеля: она сошла с узкой тропы, опасаясь, что по ней потянутся на сходку опоздавшие, повернула на северо-восток и продолжила путь. Остановилась она лишь тогда, когда Ригель вырвался вперед и негромко заскулил, наострив уши и поджав хвост.

Мари опустилась рядом с Ригелем на колени и напряженно прислушалась. Ветерок, ласкавший ей лицо, донес тихое журчание ручья, и сквозь шум воды она расслышала родной голос, спокойный и ровный. Мари встала на четвереньки и поползла, Ригель двинулся за ней следом, и наконец они поравнялись с кустом остролиста, высоким, как дерево, и пышным, как сирень весной. Не замечая острых шипов на глянцеvитых листьях, Мари и Ригель залегли под густыми ветвями. Мари уставилась из укрытия в даль, на крутой берег.

Рачий ручей, обычно прозрачный и неспешный, вился среди камней; его легко было перейти вброд, а вкусные раки водились здесь в изобилии. Однако в тот день после весеннего дождя вода в нем поднялась и замутилась. По ту сторону ручья берег был отлогий и плавно переходил в живописную лужайку, окруженную старыми вишневыми деревьями в бело-розовой пене. Это место собраний было у Мари одним из любимых, и она улыбнулась, вспомнив туманные дни, когда они с матерью ухаживали там за статуями Богини, будто выраставшими из-под земли. Статуй на лужайке было шесть, каждая втрое выше человеческого роста, и все в разных позах. Одни возлежали на боку, смежив веки, с блаженными улыбками на каменных устах, будто пребывали в вечных грезах. Другие опирались на камни, подставленные так давно, что уже никто и не помнил, откуда они взялись. И наконец, одна, ее любимая, лежала на животе, подперев руками подбородок, и улыбалась, словно знала чудесный секрет. Лицо, выточенное из серого камня, длинные пышные волосы из плюща, который Мари подрезала всего пару недель назад, сонным дождливым утром.

– То ли в магии тут дело, то ли нет, но они красивые, – тихо сказала Ригелю Мари. И обратила все внимание на Клан: Землеступы приветствовали друг друга, рассаживаясь вокруг изваяний Матери-Земли.

Мари ошеломленно таращила глаза. Никогда не доводилось ей видеть столько сородичей вместе! Близились сумерки, но настроение на поляне царило далеко не сумрачное – вокруг

витало предчувствие праздника, и возбужденные голоса долетали до укрытия Мари. Она тут же насчитала сорок пять женщин, двадцать мужчин и семнадцать детей, в их числе Дженну, подбежавшую поздороваться с Ледой.

– Леда! Леда! А Мари тоже здесь? – нетерпеливо спросила Дженна.

Леда обняла ее.

– Нет, Дженна. Мари сегодня не придет.

– Что-то она совсем расхворалась, – приуныла Дженна. – Я без нее скучаю.

– И она без тебя скучает, – отозвалась Леда.

– Мари все хворает? – спросил с вежливым поклоном Ксандр.

– У нее очень слабое здоровье. Вы знаете, какая она хрупкая, – пустила Леда в ход отговорку, позволявшую ей прятать дочь от Клана и скрывать тайну Мари даже от единственной подруги и ее отца.

– Зато дар у нее, как у тебя, – упрямо твердила Дженна. – Я точно знаю. У нее глаза твои.

– Да, дитя мое, – ласково ответила Леда. – И сила в ней есть, но такая же капризная, как ее здоровье.

– Так значит, это правда. Сегодня ты выберешь не Мари, – сказал Ксандр.

– Сегодня я выберу не Мари, – твердо ответила Леда.

– Ах, как жаль! – расстроилась Дженна. – Я так надеялась, что у нее хватит сил!

– И я надеялась, дитя мое, и Мари тоже надеялась, – сказала Леда. – Но, видно, не бывать тому.

Мари обхватила себя руками, будто не давая сердцу выпрыгнуть из груди. Хотелось выбежать на берег, встать на законное место подле матери и раз и навсегда заявить о своих правах, без страха, что ее проклянут за светлые волосы и кожу, что впитывает солнечный свет. Она зажмурилась, обмирая от тоски: она смертельно устала быть всем здесь чужой, чувствовать грусть и одиночество.

Ригель прижался к ней в знак поддержки, напомнив, что на самом деле она вовсе не одинока и чувства ее отныне кто-то разделяет. Мари обняла щенка и усилием воли стряхнула тоску, вообразив, будто печаль изливается из нее наружу, впитывается в щедрую землю под ногами – и вновь направила внимание на мать.

Леда переместилась в середину поросшей мохом площадки. Подняла посох, стукнула концом по бревну – раз, другой, третий. Клан замер в ожидании. Леда подняла голову, выпрямилась во весь рост. Ее длинные волосы развевались на ветру, словно темный блестящий занавес.

– Я ваша Жрица Луны. Судьбой мне предназначено заботиться о Клане плетельщиков, и судьба заставила меня внять вашим просьбам. Будь по-вашему. Пришло время назвать приемницу и благословить ее на путь ученичества.

Леда замолчала и оглядела Клан, кивнув каждому, будто каждому давала понять, что Жрица услышала именно его чаяния. Наползали сумерки, и при свете угасающей зари Леда казалась Мари прекрасной и свободной, мудрой и полной силы – точь-в-точь лесная фея из легенд, которые она сама же рассказывала Мари в детстве.

– Все девушки с серебристо-серыми глазами – печатью луны – выйдите сюда, предстаньте передо мной! – велела Леда.

Мари стиснула зубы, борясь с желанием выступить вперед, встать рядом с четырьмя девушками, которые поспешили на середину поляны и поклонились Леде.

Три из них кланялись глубоко, почтительно, до земли. Иное дело Зора. Она тоже поклонилась Жрице, но, как показалось Мари, слишком уж вальяжно, неучтиво. Когда по знаку Леды девушки выпрямились, Зора тряхнула головой, откинув пышные черные волосы. На этот раз венца на ней не было, но волосы были искусно украшены перьями, бусинами, речными раковинами и струились по спине водопадом, почти до осиной талии. Мари скривилась. Зора

держалась надменно, с вызовом, а это не пристало той, кому в будущем суждено воплощать собой Великую Мать-Землю и хранить Дух Клана.

– Прежде чем я назову преемницу, хочу воздать должное этим четырем юным женщинам Клана. – Леда тепло улыбнулась каждой из девушек. – У вас большое будущее, все вы даровиты. Лишь одну из вас я стану обучать, лишь ей в итоге передам свои обязанности, но из каждой может вырасти прекрасная Жрица. Если я не назову ваше имя, вы вольны прийти в другой Клан и предложить себя в ученицы. Поняли меня?

Вся четверка дружно закивала. На лицах трех девушек Мари прочла волнение. А Зора есть Зора, ей хоть бы что.

– Изабель, вижу тебя и уважаю твое стремление служить Клану, – начала Леда. – И пусть я не объявляю тебя своей преемницей, но прошу Великую Мать одарить тебя силой и хранить от бед.

– Спасибо, Жрица Луны. – Девушка по имени Изабель еще раз поклонилась и с видимым облегчением поспешила на свое место.

– Данита, вижу тебя и уважаю твое стремление служить Клану. И пусть я не объявляю тебя своей преемницей, но прошу Великую Мать наделить тебя здоровьем и счастьем.

На лице Даниты не было написано облегчения, как у Изабель, но отвесив глубокий поклон, она улыбнулась и села на бревно, рядом с матерью и сестрой.

Мари уже знала, что Леда объявит своей ученицей Зору, но чувствовала, как весь Клан с радостным волнением смотрит на двух сероглазых девушек, молча ожидавших, когда Леда вновь заговорит.

*Еще не знают, – догадалась Мари, вглядываясь в лица. И посмотрела на Зору – та так и сверлила Леду глазами, даже издалека Мари передалось ее нетерпение. Мама пока никому не сказала, что выбрала Зору, даже сама Зора не знает.* Вздвогнув, Мари поняла почему. *Она хотела назвать своей наследницей меня и лишь девять дней назад окончательно потеряла надежду.* Сдержав слезы, Мари обхватила рукой Ригеля. Щенок приник к ней, наполняя ее теплом и силой. Мари шепнула ему на ухо:

– Я ни минуты не жалею, что ты меня нашел, но как бы мне хотелось всего сразу – быть и твоей спутницей и маминой наследницей! – Ригель забрался к ней на колени. Мари вытерла глаза и продолжала наблюдать за событиями внизу.

– Юнис, вижу тебя и уважаю твое стремление служить Клану. И пусть я не объявляю тебя своей преемницей, но прошу Великую Мать одарить тебя любовью и весельем.

Мари не видела, как Юнис с поклоном вернулась на свое место. Взгляд ее был прикован к Зоре. Та, стоя перед Ледой, прямо-таки пылала, и было в ней что-то хищное. Зора и Мари были одногодки, родились в ту же осень – однако на этом их сходство кончалось. Мари была выше ростом, стройнее и изящнее большинства сородичей. Зора ростом была даже ниже миниатюрной Леды, но с роскошной фигурой, пышногрудая, крутобедрая. Внешность выдавала в ней неженку и белоручку.

*Неужто Зора уже мысленно принимает почести, положенные лишь Жрице Луны? – с горечью отметила про себя Мари при виде подобной дерзости. Надо бы поговорить с мамой. Сейчас, пожалуй, лучшее учение для Зоры – тяжелый физический труд.*

– Зора, вижу тебя и уважаю твое стремление служить Клану. Провозглашаю тебя Жрицей Клана плетельщиков и своей преемницей. Согласна ли ты с моим решением?

– Да! – Радостный возглас Зоры заглушил слова Леды.

Леда, повернувшись кругом, спросила:

– Женщины Клана, согласны ли вы с моим решением?

– Да! – отозвались в один голос те. Любопытно, подумала Мари, что куда горячее женщин выражают одобрение мужчины – аплодируют стоя, с гиканьем и свистом.

– Итак, я объявила свое решение, и женщины Клана согласны. Зора – моя ученица. Я посвящу ее в тайну лунной силы, чтобы Клан и впредь очищался от тоски и безумия, что несет с собой ночная лихорадка. – Леда напряженно, к огорчению Мари, поклонилась Зоре, а та от радости так и лучилась. Стереть бы с ее лица самодовольную победную улыбку, подумалось Мари.

Вдруг Ригель будто обратился в камень.

Уши его стояли торчком, словно он по-прежнему наблюдал за Ледой, но вглядевшись в него внимательнее, Мари поняла, что смотрит он не на Клан, а на дальний лес. Без единого звука Ригель слез с колен Мари, шагнул вперед, готовый выйти из зарослей остролиста. Он задрал хвост, шерсть на спине и загривке вздыбилась. Он повернул голову, встретился с тревожным взглядом Мари, и ее неудержимо потянуло бежать – туда, откуда они пришли – домой, в нору!

Мари поняла: над Кланом нависла опасность.

Она не колебалась. В мыслях представила дом и Ригеля у входа, рядом с кустом вереска.

– Домой, Ригель! Домой сейчас же! – скомандовала она.

Ригель вздрагивал и тихонько подвывал, но не двигался с места.

Мари, представляя в уме ту же картину, дорисовала себя и мать.

– Домой! Быстро домой! А мы с мамой сейчас придем!

Бросив на нее жалобный взгляд, Ригель повернулся, выполз из укрытия и ринулся назад сквозь кустарник, по их же следам. Убедившись, что пес исчез из виду, Мари вылезла из колючих кустов с другой стороны. Не успев придумать, что скажет, она пустилась вниз по крутому опасному берегу. Сощурившись, вгляделась в гущу вишневых ветвей за поляной, пытаясь в сумерках разобрать, что за опасность почуял Ригель.

Краем глаза Мари уловила движение. Она замерла, сосредоточилась. За спинами людей Клана, прямо возле вишневой рощицы, густо зеленели папоротники – листья их зашевелились, как под внезапным порывом ветра.

Да только кругом было тихо, ни ветерка. Мари с ужасом увидела, как раздвинулись папоротники и из зарослей выскочили люди – рослые, белокурые, с заряженными арбалетами наперевес – и бросились вперед, в самую гущу толпы.

Мари, сложив руки рупором, крикнула:

– Псобратья идут! Бегите!

Леда подняла голову и тут же взглядом отыскала дочь.

– Мари!

– Сзади тебя, мама! – Мари указала в ту сторону и повторила: – Бегите!

Леда не медлила ни минуты.

– Землеступы, да ускорит ваш бег безумие ночи! Вперед, в безопасное место!

Клан мигом пришел в движение. Никто не тратил времени на суету. Дети молча подбегали к матерям, а матери так же молча подхватывали их и устремлялись прочь, в чащу, как быстроногие олени. Часть мужчин приготовилась к встрече с врагами, другие бросились в сумрачный лес.

Мари была на полпути к ручью, когда первая стрела вонзилась в шею одному из мужчин Клана, встречавших Псобратьев лицом к лицу. В горле у него заклокотало, и он упал неподалеку от Леды, забился в предсмертных судорогах.

– Мама, скорее! – крикнула Мари и сделала знак матери: сюда! *Спрячемся в ветвях остролиста. Они и не подумают, что кто-то из наших мог притаиться так близко. Пройдут и не заметят!* Мари лихорадочно соображала, а мать спешила к ней, перебиралась через ручей почти по пояс глубиной, борясь с быстрым течением.

Белокурый человек перескочил через замшелое бревно и, увидев Леду, тоже шагнул в воду. Позади него другой остановился и прокричал:

– Не трать времени на старуху! Хватай девчонку на том берегу! – а сам бросился в густую чащу, в погоню за матерью с маленькой дочкой.

*Девчонку на том берегу? То есть меня! Ужас* сковал Мари, руки-ноги перестали слушаться.

Первый что-то утвердительно буркнул и прошел по воде мимо Леды.

– Нет! – воскликнула та. – Не трожь мою дочь! – Как громом пораженная, смотрела Мари, как Леда схватила нападавшего за одежду – вцепилась в его рубашку и рванула, задержав его, но лишь на миг. Он ударил Леду наотмашь, и та упала, стукнувшись головой о камень. Быстрое течение подхватило безвольное тело и понесло.

– Мама! – зарыдала Мари. Оцепенение как рукой сняло. Крича от гнева и страха, она достала из сумки пращу и горсть камней. Привычным отточенным движением натянула пращу, прицелилась и выстрелила. Камень угодил нападавшему в лицо, разбив скулу, и тот, потеряв равновесие, рухнул на крутой откос в нескольких шагах от Мари.

Девушка пустилась бежать вдоль берега с заряженной пращой в руке, не выпуская из виду ни матери, ни врагов, что прочесывали лес в поисках жертв.

Мари продиралась сквозь густеющий кустарник, спотыкаясь о палые стволы; ноги, будто налитые свинцом, то и дело проваливались в скрытые листвой ямы, которых она не замечала. Уже стемнело, надо скорее пробраться к маме, не дать ей утонуть.

Надо спасти маму – любой ценой. Мари не допускала и мысли, что Леда может погибнуть: мысль эта была подобна яду, от нее подкашивались ноги, останавливалось сердце. Наконец, на крутом повороте ручья вправо, тело Леды застряло в завале из плавника и камней. Мари, спотыкаясь, кинулась вперед, прыгнула в воду и, преодолевая течение, двинулась к матери.

Леда лежала навзничь, в волосах и одежде запутался мусор. Мари дотянулась до нее, убрала с лица прилипшие длинные пряди, вытерла кровь, в то же время отчаянно пытаясь нащупать на шее пульс. Уловив наконец биение маминого сердца, Мари разрыдалась от облегчения.

– Мама! Мама! Очнись – скажи что-нибудь! – Мари гладила шею и руки Леды, замечая все: и лиловый след от удара на щеке, и порез на лбу, из которого сочилась кровь. Мари старалась дышать глубже и ровнее, пока оценивала раны Леды и освобождала ее из завала.

Леда застонала, ее мелко затрясло, веки дрогнули.

– Мари... Мари... – Еще до конца не очнувшись, Жрица Луны уже шептала имя дочери.

– Тсс, мама, я здесь, только нельзя шуметь. Я не знаю, где они и сколько их, – прошептала Мари.

Леда открыла глаза, приподнялась, но, вскрикнув, снова упала в воду, держась за бока.

– Ребра. То ли трещины, то ли переломы, – охнула Леда и зачатила: – И голова. Ударилась о камень в воде. В глазах туман. Оттащи меня в кусты, я схоронюсь, а ты беги домой.

– Я тебя не брошу.

– Мари, слушайся меня.

– Леда, на этот раз не послушаюсь. Никуда я от тебя не уйду! – сказала Мари с нажимом. – А теперь помолчи и дай вытащить тебя из воды, пока ты не замерзла насмерть. – И со всей осторожностью Мари положила Ледину руку себе на плечо, обняла мать за талию и повела вброд к крутому дальнему берегу.

– Другой берег ближе и пологий, – проговорила Леда, охая от боли и выбивая дробь зубами.

– Но с того берега они пришли. Дальний берег хоть и круче, зато валунов и коряг там больше, есть где спрятаться. Подлесок такой густой, я еле к тебе пробралась. Меня он задержал, задержит и их, – хмуро сказала Мари.

Леда не тратила силы на ответ, лишь кивнула и крепче прижала к боку ладонь, закусив губу, чтобы не закричать от боли. Когда они достигли каменистого берега, Леда повалилась наземь, дрожа и хватая воздух частыми, натужными глотками.

– Чуть поодаль, наверху, я видела сухой кедр, весь увитый плющом – зеленый, на вид совсем как живой. По-моему, там можно укрыться, – предложила Мари.

Леда лежала на ковре из мокрых листьев, по-прежнему держась за больное место.

– Не могу. Голова кружится. Стоит шевельнуться, меня мутит.

– Так переждем здесь в надежде, что Псобратья не появятся.

– С к-каких это пор ты такая упрямая? – выдохнула Леда, качая головой.

– Не знаю точно, но, видимо, в маму пошла. – Мари присела возле Леды. – Я не могу тебя потерять, мама.

– Что ж, придется мне все-таки добраться до того сухого кедра.

Мари схватила мать за руку, помогла подняться. Леда стояла, лишь слегка пошатываясь, и Мари уже казалось, что все обойдется – но вдруг мертвенно-бледное лицо матери сделалось и вовсе бесцветным, а по телу пробежала болезненная судорога, и кожа подернулась серебром.

– Этого еще не хватало, – проговорила Мари, в отчаянии обратив взор на запад, будто пытаясь силой воли помешать заходу солнца.

– Ничего не выйдет. Ночь приходит, а с ней и боль... – Леда снова вздрогнула, закатив глаза до самых белков, и медленно, почти грациозно осела на землю.

– Я здесь, мама. Я тебе помогу, всегда помогу, – бормотала Мари. И, взяв мать на руки, стала карабкаться вверх по склону, прижав Леду к сердцу и дивясь про себя, до чего она легонькая, почти бескостная – словно держишь раненую птицу.

Откуда-то сверху донесся крик ужаса, и Мари застыла как вкопанная. Сзади хрустели сучья, трещали кусты, кто-то грубо топал по нежному моховому ковру, мял папоротники, грохотили священные статуи Великой Матери.

Стиснув зубы, Мари взяла Леду поудобнее, стараясь идти быстрее и не замечать стонов матери, не думать о том, что лицо ее из белого, как брюхо дохлой рыбы, стало серым, как тени при луне.

Мари выбралась на самый верх. Сжимая в объятиях мать, кинулась к увитому плющом кедру. Место оказалось еще укромней, чем предполагала Мари. Ствол накренился, и плющ целиком поглотил его.

Позади снова раздался крик, на сей раз ближе. Крик и звук шагов подстегнули Мари. Нагнув голову и заслонив собой Леду, она заглянула под полог из плюща и сухих ветвей – и нос к носу столкнулась с Дженной и Ксандром.

– Мари! Леда! Вы... – Широкая отцовская ладонь зажала Дженне рот, заглушив радостное приветствие.

Мари упала на колени, прижала палец к губам: тише! Девочка и ее отец переводили взгляд с Мари на ее бесчувственную мать, но когда вблизи их убежища раздались тяжелые шаги, глаза их округлились от ужаса. Боясь шевельнуться, Мари затаила дыхание и крепче прижала к себе раненую Леду.

– Видел землерылиху – побежала сюда, – слышался в шаге от них мужской голос. – Та самая, что разнесла Мигелю камнем скулу.

– Ник, мы уже изловили четырех самок. Это даже с запасом, ведь на Ферме надо заменить всего трех. Если еще одну сцапаем, Мигелю этим не поможешь, кожа у него не зарастет. Остается ждать, то ли он поправится, то ли... – Второй стоял дальше первого, но слова его тоже долетали в укрытие.

– Поймать бы ту, что ранила Мигеля! – твердил Ник, будто не слыша товарища.



– Послушай, Ник, не стоит ради этого здесь задерживаться. Солнце вот-вот зайдет. Мы и так далеко отошли от охотничьих угодий, и все из-за твоих поисков щенка. Тадеус лютует, он не даст продолжить охоту, тем более что один из нас ранен. Пора назад.

– Я бы еще немного поискал, О’Брайен. – Отчаяние в голосе Ника поразило Мари.

– Братишка, тебе попадались хоть какие-нибудь следы щенка – отпечаток лапы, клочок шерсти, помет? Хоть что-нибудь?

Слова эти обрушились на Мари тяжким грузом, будто в карманы насыпали камней и они тянут ее в омут тревоги и страха, тащат на дно, не дают всплыть.

– Нет, ну и неважно. Ведь не было здесь следов землерыльской колонии, но видишь, сколько мы их насчитали – под сотню? Вот щенка и потянуло к ним – видно, по ошибке принял землерылов за людей.

– Но держись он поблизости от землерылов, мы бы заметили хоть какие-то признаки его присутствия. Посуди сам, Ник. Вот уже десятая ночь как его нет. Наверняка он погиб.

– А вот и не погиб! – Голос Ника срывался от волнения. – Будь у меня побольше помощников с собаками, я бы его разыскал.

– Братец, когда он пропал, Сол послал на поиски и терьеров, и Лару, и Жасмину – мать щенка. И все впустую.

– Потому что треклятые тараканы напозли и все следы уничтожили.

– Или треклятые тараканы поживились щенком и ни следа не оставили. – О’Брайен говорил твердо, но ласково, и даже сквозь тревогу и страх Мари чувствовала, что эти двое связаны искренней дружбой. – Прости, что вынужден тебе напоминать, но эти твари сжирают все на своем пути. Ты и без меня знаешь, Ник.

– Я знаю одно – что буду и дальше искать щенка. Нельзя сдаваться, О’Брайен. Между нами была связь. Еще чуть-чуть, и он выбрал бы меня.

О’Брайен сокрушенно вздохнул.

– Если вдруг я пропаду, надеюсь, ты будешь меня искать хоть с половиной того упорства, что и щенка.

– Буду, только не пропадай! – отозвался Ник.

– И на том спасибо. Поищи немного в том густом кустарнике вдоль берега. А я придумаю отговорку для Тадеуса, но мы и так припозднились, и как только он объявит конец охоты, я ничего не смогу сде...

– Вот ты где, Ник! – Речь О’Брайена оборвал третий возбужденный голос. – Сюда, живо! Тадеусов Одиссей что-то унюхал возле большого куста остролиста! Там, под листвой, похоже, след – отпечаток лапы щенка овчарки.

– Ну вот! Я же говорил! Я же вам всем говорил! – В голосе Ника звенело торжество. Все трое повернули назад, к первому укрытию Мари, и голоса стихли.

Долго-долго никто не шевелился под куполом из плюща, а когда в лесу все смолкло, Ксандр и Дженна опустили на корточки рядом с Мари и, сдвинув головы, в тревоге уставились на Леду.

– Она умерла? – Голос Дженны дрогнул.

– Нет, – ободряюще шепнула Мари. – Она поправится. Она просто отдыхает.

Вдалеке опять послышались крики. Мари насторожилась, но вблизи их убежища все было спокойно.

– И весь этот ужас – из-за пропавшей собаки? – Ксандр говорил так тихо, что Мари напрягла слух, чтобы разобрать слова. – Ничего не понимаю.

– И я не понимаю, но Псобратья – народ загадочный, – торопливо ответила Мари и подумала, уж лучше бы он и вовсе молчал, этот самый Ник! – На наше счастье, солнце скроется с минуты на минуту, и тьма прогонит их домой, в город на ветвях. – Мари обратилась к Дженне, которая продолжала смотреть на Леду круглыми от страха глазами. – И тогда я отнесу маму

домой, там я смогу ухаживать за ней как следует. Она скоро поправится. Не волнуйся, Дженна. Посидим здесь еще немного, и все.

Отец Дженны что-то буркнул, будто бы в знак согласия, но звук этот показался Мари подозрительным, заставив перенести внимание с Дженны на Ксандра. Тот с перекошенным от боли лицом смотрел на Леду, и на глазах у Мари кожа его приняла нездоровый серый оттенок – признак того, что солнце скрылось и настал час ночной лихорадки, проклятия Землеступов.

## 11

– Нет! Нет! Нет! Только не здесь, папочка – только не сейчас! – Дженна отпрянула, вжалась спиной в трухлявый ствол мертвого кедра, следя за отцом безумными от ужаса глазами. Она сжалась в комок, обняв колени, и твердила снова и снова: – Только не здесь, папочка – только не сейчас! – Мари заметила, что и Дженне луна посеребрила кожу.

Но девочка не представляла угрозы – Мари это прекрасно знала. Если Дженну оставить без помощи Жрицы, она впадет в отчаяние, станет безутешно рыдать и томиться тоской. Это печально и тягостно, и без целительного ритуала Дженне станет трудно находить счастье даже при свете дня. И рано или поздно дневные передышки уйдут в прошлое, оставив лишь отчаяние ночи. Без постоянной помощи Жрицы воля к жизни у Дженны постепенно сойдет на нет, и весь остаток дней – до скорой смерти – она проведет в одиночестве и тоске. Однако Дженна ни на кого не нападет, никому не причинит вреда, кроме, разве что, себя самой.

Чего не скажешь о ее отце.

– Дженна! Когда твоего отца в последний раз омывали?

– Завтра третья ночь! – ответил за дочь Ксандр низким сиплым голосом.

– Ночью мы обычно в своей норе, отлеживаемся, и на вторую ночь лихорадка не слишком донимает, но здесь, под открытым небом... – Дженна вздрогнула. – Помоги ему, Мари! Пожалуйста!

Ксандр судорожно глотал воздух. Волны дрожи сотрясали его, и с каждой волной кожа серела, дыхание сбивалось.

– Разбуди Леду! – прохрипел Ксандр.

– Не могу! Она не спит – она без сознания. – Мари не спеша пересела, загородив собою мать от Ксандра. – Уходи отсюда, Ксандр. Возвращайся к себе в нору, отдохни. А я присмотрю за Дженной и мамой. Твое присутствие им только навредит. Тем более сейчас, после захода солнца. – Стараясь говорить тихо и кротко, Мари запустила руку в сумку, нащарила гладкий камень. От пращи в такой тесноте никакого проку, но если запустить камнем Ксандру в лицо, он потеряет сознание, и пока он будет лежать без чувств, они успеют выбраться.

– Нет! Куда же папа пойдет? Его убьют.

– Разбуди ее! Помоги мне! – Слова Ксандра сливались в глухой гортанный рев.

– Ксандр, выслушай меня! Мама не спит, она ранена. Она не сможет тебя исцелить. – Мари взывала к разуму Ксандра, но знала, что с каждым мгновением сгущается тьма, туманя и его рассудок.

– Исцели... меня... – Ксандр будто стал выше ростом, и еле сдерживаемая ярость, просыпающаяся в нем, казалось, заполнила их укрытие.

– Ты справишься, Мари. Знаю, ты сумеешь. – Дженна смотрела на подругу полным слез взглядом. – У тебя же Ледины глаза! Ты же ее дочь!

– Дженна, это не так-то просто, – отозвалась Мари. Вдруг Ксандр с хищным рыком втиснулся между ними. Мари занесла камень, привстала, гневно глядя на Ксандра, и понизила голос, пряча страх под маской ярости: – Уходи, Ксандр, пока я не сделала тебе больно.

С глухим стоном, в котором сквозило отчаяние любящего отца, Ксандр повернулся и раздвинул скрывавший их занавес из плюща.

– Не надо! – всхлипывала Дженна. – Кроме него, у меня никого нет.

И Мари после мимолетного колебания приняла решение, вмиг изменившее их судьбы. Одной рукой она схватила Ксандра за локоть, потянув обратно в укрытие, а другую руку подняла. Ксандр обернулся и свирепо зарычал.

– На колени! – приказала Мари и Ксандр, к ее изумлению, подчинился. Мари закрыла глаза, пытаясь отгородиться от ужаса и хаоса вокруг – от слез Дженны, хищного прерывистого

дыхания ее отца, пугающей неподвижности Леды. Глубоко погрузившись в себя, в ту внутреннюю тишину, где жили прекрасные образы, которые Мари переносила на бумагу, она представила луну, какой та должна быть нынче ночью – восходящий полумесяц над сонными соснами, белоснежный и сияющий.

Когда образ луны, яркой, только что взошедшей, сделался для нее отчетливым, Мари заговорила, продолжая рисовать силой воображения:

*О Мать-Земля, я Лунной Жрицы дочь,  
Призвать луну ты помоги мне в эту ночь!  
В душе моей и сердце образ твой,  
Даруй спасенье для троих, любимых мной.*

Слова лились потоком, и лунная сила сгущалась над Мари. Слова были не Ледины, а ее собственные, продиктованные отчаянием и любовью.

Полумесяц виделся ей огромным – он господствовал над ночным небом, и серебряный свет орошал лес прохладной целительной силой, будто прорвало плотину.

Мари, следуя за этой силой, преобразила ее в водопад и направила вниз, на худенькую фигурку – лохматую девчонку-полукровку. Почувствовав, что готова, Мари произнесла заключительные строки древнего заклинания, переиначив их на свой лад:

*Мне в дар от предков связь с тобой дана,  
Моя судьба – нести твой свет, Луна!*

Мари глубоко вздохнула, ощутив приток силы. Не открывая глаз, чтобы не дать мысленной картине улечься, она протянула руку.

– Ксандр! Держись!

Рука, схватившая ее ладонь, пылала от лихорадки, и Мари представила, как водопад лунных лучей переливается из нее в Ксандра, наполняет его силой, прохладой, покоем. Она стиснула зубы в ожидании боли от резкого притока силы, но на сей раз обошлось без боли. И когда ладонь Ксандра в ее руке стала прохладной, он взмолился:

– А теперь помоги Дженне, пожалуйста.

Мари, не в силах говорить, лишь кивнула. Едва горячая ладошка Дженны очутилась в руке Мари вместо отцовской ладони, в мыслях она поспешно заменила образ Ксандра на образ его дочери.

Неизвестно, сколько прошло времени – мгновения или часы – и наконец Дженна пожала ей руку, отпустила ее и прошептала:

– У тебя получилось! Ты исцелила папу и меня! А теперь попробуй помочь Леде.

Мари кивнула, не открывая глаз. *Держи в уме картину! Не дай ей исчезнуть!* Мари наклонилась, вслепую потянулась к матери, но в этот миг сильные руки Ксандра подхватили ее и приблизили к бесчувственному телу Леды.

– Вот она, – произнес Ксандр своим обычным, спокойным голосом.

Приложив ладонь к застывшему телу матери, Мари принялась совершенствовать мысленный рисунок, добавлять новые штрихи: луну сделала еще огромней, прекрасней, лучистей. Протянула серебряные нити света от луны сквозь себя к матери. Вообразила ее лицо без кровотока на лбу и взбухшего пурпурного кровоподтека на щеке. Представила ее стройное, изящное тело вновь здоровым и полным сил. И наконец нарисовала ее губы в приветливой улыбке, а глаза – открытыми и ясными.

– Леда, наконец-то!

Ахнув от счастья, Мари открыла глаза – мать улыбалась ей.

– Леда, это все она! Это Мари нас спасла! – ликовала Дженна.

– Тсс, дитя мое! – Ксандр с тревогой оглянулся через плечо, всматриваясь в чашу за шатром из плюща. – Псобратья все еще здесь – ищут пропавшего пса.

– Пропавшего пса? – шепотом переспросила Леда, и ее острый взгляд встретился со взглядом Мари.

– Мы слышали их разговор. Один из них искал щенка, – объяснила Мари. – И, похоже, неподалеку нашли следы.

– Здесь нам оставаться небезопасно, даже в укрытии, – заметила Леда.

– Теперь Древесный люд не просто похищает наших, если те в поисках еды забредают во владения Племени. Они ищут повод для набегов на наши земли, для убийства наших людей.

– Ксандр говорил тихо, но гневно. – Будь они прокляты все до единого, вместе с их псами!

*С их псами, но не с моим.* – Мари держала свои мысли при себе, но теперь, когда Леда очнулась, разлука с щенком легла ей на сердце камнем. – *Где он? Спокойно ждет в норе, или же Псобратья с их поисками отрезали его и от дома, и от нас?*

*Как мне жить без моего Ригеля?*

– Мама, мне нужно домой, в нору. Мне... мне нехорошо, – сказала Мари.

– Выходить пока опасно, – заметил Ксандр.

– Опасно или нет, Мари нужно вернуться в нору, восстановить силы. Призывать луну – нелегкое занятие, тем более для такой хрупкой девушки, как Мари, – объяснила Леда, не спуская с дочери взгляда.

– Спасибо, мама. Я так и знала, что ты меня поймешь. – Мари с благодарностью заглянула матери в глаза. Главное сейчас – найти Ригеля.

– Ксандр, вы с Дженной ждите здесь до тех пор, пока луна не поднимется над соснами на востоке. Псобратья к тому времени точно вернутся к себе на деревья, но все равно пробирайтесь через лес осторожно. Ступайте в обход Поляны собраний, – предостерегла Леда.

– Пожалуй, Леда, пора тебе рассказать нам с Дженной, где твоя нора. Мы бы вас проводили до дома, – сказал Ксандр. – Клянусь, никогда вас не выдам.

– Ксандр, нору Жрицы держат в секрете по многим причинам, и я не буду о них распространяться – тем более что теперь она стала домом двух Жриц, – возразила Леда.

– Тогда ты должна объявить Мари своей преемницей, – победно улыбнулась Дженна.

Мари невольно затаила дыхание в ожидании ответа матери.

– Что ж, Дженна, похоже, сама Мать-Земля явила свою волю – теперь не осталось сомнений, что Мари унаследовала мой дар.

– Зору эта новость не обрадует, – заметил Ксандр.

– Зора еще молода. Впереди у нее много зим, чтобы понять, что путь к предназначению извилист и лежит через преграды, – отозвалась Леда.

Мари шумно выдохнула, не зная, как понять ответ матери, но тревога за Ригеля нарастала, не давала ей покоя, мешая сосредоточиться на чем-то ином.

– Мама, ты готова? – спросила Мари и протянула руку, помогая матери встать.

Леда ухватила за руку Мари, поднялась. Вначале она двигалась робко, неуверенно, будто опасаясь, что тошнота и боль вернутся. Попробовала вздохнуть – и с улыбкой выдохнула.

– Спасибо тебе, моя даровитая дочь – теперь я готова. И кости срослись, и голова цела.

Не успела Мари ответить, как Дженна и Ксандр обступили ее.

– Спасибо тебе, Жрица Луны, – церемонно сказала Дженна, кланяясь Мари.

– Спасибо тебе, Жрица Луны, – повторил за ней Ксандр. – Мы с Дженной, как положено, наберем грецких орехов и принесем тебе в дар в следующую третью ночь, – продолжал он. – Дженна рассказывала, из скорлупы ты готовишь чернила.

Леда подняла бровь и ободряюще кивнула Мари.

– С-спасибо, так и есть. И я с радостью приму ваш дар в следующую третью ночь. – Мари повторяла слова, много раз слышанные от матери, но чувствовала себя неловко, будто надела драгоценный плащ Леды с меховой оторочкой и примеряет на себя роль, которая ей пока не по плечу.

– Прощайте, до скорой встречи, – учтиво сказала Леда, обнимая Дженну и пожимая руку Ксандру. И обратилась к Мари: – Веди меня, дочь моя.

Мари кивнула и застыла у выхода из шатра, напряженно прислушиваясь. Все молчало кругом, и она, раздвинув стебли, выбралась наружу. Остановилась, огляделась, прислушалась – и убедившись, что в лесу тихо и безопасно, поманила за собой мать.

Леда выскользнула из зеленого шатра и нагнала дочь.

– Ты и правда хорошо себя чувствуешь, мама? – прошептала Мари, наклонившись поближе к Леде.

– Да, – шепнула Леда в ответ. – Я так горжусь тобой, Мари! Ты и впрямь совершила чудо. – И, склонившись к самому уху дочери, спросила: – А Ригель?

– Я отправила его домой перед тем как на нас напали. Это он меня предупредил, что враги идут.

– Я так и думала, – кивнула Леда.

– Мама, один из Псобратьев говорил о Ригеле. Я все слышала. Они пришли сюда, потому что один, по имени Ник, ищет щенка овчарки, наверняка Ригеля. Как же нам быть?

Леда сжала руку дочери.

– Дома разберемся. А сейчас сосредоточься, попробуй мысленно поддержать щенка. Он, наверное, без тебя места себе не находит.

Мари так и сделала – представила Ригеля у входа в нору, вообразила невидимые нити, что связывают их, и по этим нитям послала ему волну любви и поддержки, представив, будто они, все трое, снова вместе и радуются встрече.

Тогда-то Мари и допустила самый большой промах. В лесу первое правило – всегда, каждую минуту быть настороже. Едва Мари научилась ходить, Леда твердила ей зарифмованные слова с правилами безопасности:

*Будь осторожен! Берегись!  
Упавших бревен сторонись!  
Будь начеку, смотри вперед,  
Иначе кто-нибудь сожрет!*

Но в ту ночь все было иначе. Впервые с тех пор, как Мари стала взрослой, она утратила бдительность в лесу после заката. Да и Леда была рассеянной, как никогда. Тревога за Мари и Ригеля, за Дженну и Ксандра, за плененных братьев и скорбь по убитым захватили ее целиком и мешали сосредоточиться. Жрица не слышала низкого грозного гула до тех пор, пока их с Мари не окружили со всех сторон.

Шорох листьев и треск сучьев заставили Мари остановиться: девушка ощутила опасность. Не успела она толком понять, что происходит, а кровь уже быстрее бежала по жилам, все чувства обострились, внимание переключилось.

В этот миг обе поняли, откуда звуки, и все переменялось бесповоротно.

– Волкопауки! Спина к спине, Мари! Жди моего знака!

Леда кричала во весь голос, и все мысли о маскировке у Мари мигом улетучились, а с ними и уютная, домашняя картина, которую она передавала Ригелю. За долгие годы вымуштрованная Ледой, Мари машинально прижалась к матери спиной, и они одновременно сняли с плеч сафьяновые бурдюки, сорвали с горлышек восковые печати и поднесли бурдюки к губам.

– Держись, Мари. Держись. Найди опору. Отгородись от опасностей и безумия – как я тебя учила – как ты уже умеешь. И помни, я с тобой. Я всегда с тобой.

Мари дышала глубоко и размеренно, а страшный гул отдавался у нее внутри. Леда все не подавала знака, но Мари ждала с небывалым спокойствием, почти отрешенно. Отхлебнула из бурдюка, набрав в рот крепкой смеси соленой воды с лавандовым маслом. Зоркими, как у матери, глазами, которые видели ночью не хуже, чем днем, Мари окинула чашу, высматривая во тьме хищников, что крались за ними по пятам.

Шум стих, и вокруг Мари воцарился хаос и опасность.

Леда кивнула, но Мари не нуждалась в знаке.

То, что лишь миг назад казалось грудой палых листьев, зашевелилось, изменило облик и обернулось пауком величиной с белку; паук изготовился и прыгнул, целясь Мари в лицо.

Взвизгнув от страха и ярости, Мари выпустила изо рта струю соленой воды с маслом, забрызгав пауку все восемь выпученных глаз. Уже безвредный, он шлепнулся рядом с девушкой, корчась в муках и шипя, как горящая головешка, в которую плеснули водой, и Мари с наслаждением раздавила его.

– Еще! – предупредила Леда.

Мари снова набрала в рот смеси, ослеплявшей хищных пауков, и даже успела нащарить в сумке нож, прежде чем на нее кинулся второй паук. Струя поразила сразу двоих, и Мари, встав на колени, добила ножом обеих корчащихся тварей.

– Помни, убегать от них нельзя. Они только и ждут, чтобы мы побежали, – быстро, но спокойно сказала Леда, прежде чем набрать в рот еще жидкости. – Идем дальше. Не спеша. Вместе. Я с тобой и ты со мной, спина к спине. Твой бурдюк еще полон?

– Да, – заверила Мари.

– Значит, должно хватить, если действовать спокойно.

– Пойдем, мама. Надо добраться до дома во что бы то ни стало.

– Готовься, еще ползут! – встрепелась Леда.

Мари приготовилась, а лес полнился леденящим душу гулом. Мари как раз подносила бурдюк к губам, когда из мрака показались новые пауки.

Вдруг, грозно рыча и щелкая зубами, откуда-то возник Ригель, прорвался сквозь кольцо пауков, которое все сжималось, и встал с ней рядом.

Леда плюнула струей яда в гущу пауков, уложив троих, сбила рукой четвертого и растоптала в лепешку. Мари одним взмахом ножа разрубила двоих.

– Прикрывай Ригеля, – сказала Леда, утирая ладонью рот. – Не дай им увести его в сторону. Стоит им заполучить собаку – опутают паутиной и уволочут паучатам на съедение.

Мари, улучив миг, притянула щенка к себе, заслонила его собой, и, по-прежнему стоя спина к спине с матерью, внушала Ригелю: будь рядом, рядом, рядом... – снова и снова. Ригель утробно рычал. Все внимание его было обращено на кишашую ползучими тварями тьму, но при этом он тепло жался к ногам Мари.

– Не бойся, Леда, никуда он не денется.

Ригель сражался бок о бок с Мари, сдерживая натиск хищников, разя челюстями любого паука, ускользнувшего от яда и от ножа.

– А теперь вперед, все вместе. Не спеша, осторожно, Мари. Между атаками, по моему сигналу, – распорядилась Леда, но не успела она подать знак, как впереди на тропе расцвел огонек и показался человек с факелом, а за ним – целый отряд, и они бросились вперед, отбиваясь от пауков дубинками.

– Самки на тропе! Хватай их – и скорей отсюда! – донеслась команда одного из Псобратьев.

Мари застыла на миг и с безмолвным криком: «Ригеля не отдам!» – нагнулась и сгребла щенка в охапку. Взяла за руку мать, увлекая ее прочь с тропы, но от сильного толчка упала,

вместе с щенком и Ледой. Падая, Мари успела сжаться в комок с Ригелем на руках, прикрывая его от удара о землю. Она все еще катилась кувырком, вслепую ища мать, когда ночную тьму прорезал крик:

– Бегите!

С трудом встав на колени, Мари подняла голову – на том месте, где только что были они с матерью, стоял большой человек. На него тучей надвигались пауки, он отбивался от них кулаками, а факелы алели все ближе и ближе.

Будто во сне Мари увидела, как взгляд Ксандра остановился на ней. Глаза его полезли на лоб от изумления и отвращения, и только тут Мари поняла почему – ведь все это время она держала на руках Ригеля. Ксандр смотрел на нее, не веря глазам, и голова у него тряслась, взад-вперед, взад-вперед.

– Самец! Убейте его! – проревел Псобрат, и в тот же миг полный ужаса вопль раздался в ночной тьме.

Мари и Ксандр вмиг обернулись – Псобрат с факелом тащил за собой Дженну.

Взревев, как раненый зверь, Ксандр кинулся к дочери. Он будто не замечал ни пауков, облепивших ему спину, шею и голову, ни Псобратьев, что целились в него из арбалетов, и до поры до времени не обращал внимания даже на стрелы, жалившие его со всех сторон. Мари насчитала дюжину стрел, вошедших в его тело по самое оперение – и даже тогда он еще бежал навстречу врагу, уносящему его дочь.

– Ему уже не поможешь. Бежим, Мари! Сейчас же! – Лихорадочный шепот Леды привел Мари в чувство.

– Но они схватили Дженну! – рыдала Мари.

– Если мы задержимся, схватят и нас. Бежим, Мари! Ну же, давай! – твердила Леда. И, схватив Мари за руку, потянула, увлекая ее и Ригеля за собой в темноту, все дальше и дальше от полных боли и ярости криков Ксандра, от света факелов и от запаха крови.



## 12

Ник еще не бывал на Фермерском острове после захода солнца, не тянуло его туда и сейчас, зато только там он наконец-то сможет избавиться от плачущей самки. Наверное, уже в тысячный раз Ник оглянулся через плечо на пленных землерылих. Было их пять, связанных между собой так, чтобы идти цепочкой. Плакса – та, которую поймали, когда на них набросился самец – плелась в хвосте, безутешно рыдая. Небольшой охотничий отряд, с Тадеусом и его терьером Одиссеем во главе, окружал пленных со всех сторон, они шли, высоко подняв зажженные факелы, чтобы пауки не застигли их врасплох, и подгоняя самок, заставляя их бежать бодрой рысцой. Солнце давно закатилось – еще не хватало, чтобы отряд, и без того ослабевший, достался на ужин хищникам, не дойдя до безопасного места.

– Последняя совсем плоха. – О’Брайен поймал взгляд Ника. – Понимаю, конечно, землерылиха не человек, но клянусь, Ник, ее вопли скоро меня доконают.

– Да, понимаю тебя, – сказал Ник кузену, трусившему рядом. – Я привык, что они тоскуют и вообще слегка не в себе, особенно по ночам. Это ни для кого не новость. Потому-то за ними и нужно присматривать, что мы и делаем. Но плач этой самки ни на что не похож.

– Как будто она оплакивает того крупного самца, которого мы подстрелили последним, – предположил О’Брайен.

– Они и вправду привязчивы, как дети. – Ник снова оглянулся на рыдающую самку – она еле поспевала за остальными, а те, безмолвные, с пустыми глазами, держались вровень с Охотниками. – Самцы пытаются выкрасть с острова самок, и некоторые за ними охотно следуют. Две сбежали с неделю тому назад. Их застрелили, когда они выходили на сушу из Канала, вместе с самцом-похитителем.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.